

Юлия
НИКОЛАЕВА

Нарисуй мне
ЛЮБОВЬ

Юлия Николаева

Нарисуй мне любовь

«Автор»

Николаева Ю.

Нарисуй мне любовь / Ю. Николаева — «Автор»,

Я не верю в любовь. Может, звучит несколько категорично, но для девчонки из детского дома в самый раз. Я верю, что надо крутиться, чтобы жить. И я крутилась, пока в один момент не потеряла все. Бросившись искать причины случившегося, я, сама того не ведая, попала в водоворот событий из прошлого и настоящего, правды и лжи, ненависти и... любви. Любви, разрушающей сильнее ненависти.

© Николаева Ю.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Юлия Николаева

Нарисуй мне любовь

Глава 1

Я стояла на ресепшен в галерее, пока Алла, в чьи основные обязанности это входит, слиняла к зубному. Вообще-то, это совсем не моя должность, но почему не помочь человеку, тем более что мы в одной команде? Я работала в галерее организатором выставок. Работа очень интересная, а главная, насыщенная делами и встречами с людьми. То, что надо. Звякнул колокольчик, и в дверях появилась женщина лет сорока с небольшим, не красавица, впрочем, уродиной ее тоже было не назвать. Но внешний вид отталкивал: неказистая, невысокая, фигура со всех сторон плоская, лицо непримечательное. Маленький нос, маленькие глаза, маленький рот, щеки бледные, косметики на лице нет, волосы мышиного цвета. Но основная проблема была, конечно, не в этом, иначе бы я не застыла, как изваяние, увидев ее. Приблизившись ко мне, женщина сказала:

– Добрый день, я бы хотела поговорить с... – тут она бросила взгляд на мой бейдж и усмехнулась. – По всей видимости, вы мне и нужны.

Не зная, чего ждать от жизни, я жестом пригласила ее в свой кабинет, по дороге представляя, что будет. Тут надо кое-что пояснить, а чтобы было совсем понятно, я лучше расскажу с самого начала.

Детство мое прошло в детском доме. Попала я туда прямо из родильного и о своих родителях не знала ничего. Впрочем, лет в шесть я прониклась к ним презрением, которое с годами перешло в равнодушие. В детские годы нам, обитателем данного учреждения, приходилось несладко: финансирование было средненькое, так что условия проживания после вычета зарплат и различных расходов сводились к минимуму. В детском доме я усвоила главное правило жизни: или ты, или тебя. К сожалению, сколько нам ни пытались привить высокие чувства вроде любви, взаимовыручки и прочего бреда, на деле всегда заканчивалось одним и тем же: или ты, или тебя. Дать себя в обиду я не позволяла, а потому с раннего возраста вступила в ряды „или ты”. Общалась, в основном, с ребятами, потому росла не только пацанкой, но и хулиганкой, вечно устраивающей пакости. К двенадцати годам общая ситуация несколько изменилась. Во-первых, благотворительность стала популярным явлением, а так как в нашем небольшом городе финансировать можно не столь много мест, то меценаты потекли в детский дом плотным потоком. Благосостояние резко улучшилось, и за пять лет детский дом превратился чуть ли не в комфортабельную базу отдыха со всеми условиями. Во-вторых, я вступила в переходный возраст, и из тощего подростка стала оформляться в красивую девушку. Мои вчерашние приятели по банде захотели другого, и это внесло в наши отношения разъединение, потому что давать им этого я не собиралась. Таким образом, я оказалась в некотором уединении, стала существовать сама по себе. Впрочем, меня это несильно напрягало, желающих составить компанию не убавлялось, а чем старше я становилась, тем и их прибывало. В шестнадцать я лишилась девственности с мальчиком постарше, и мы пробыли вместе год, пока он не выбыл из стен детского дома.

То лето выдалось на удивление жарким, не в плане погоды, хотя и она не подвела, а в плане различных мероприятий. То ли у нас в городе был год благотворительности, то ли меценаты соревновались между собой, но они навевались в детский дом чуть ли не каждую неделю. Их торжественно водили по территории, угощали чаями и чем покрепче, и конечно, делали общую фотографию на фоне входа. Для фотографии было подобрано два раз-

ных состава, я не попала ни в один из них, педагоги всерьез боялись, что я могу выкинуть что-нибудь эдакое. Я к тому моменту уже никого ни во что не ставила и, действительно, любила издеваться над людьми, наблюдая за их реакцией. Потому в дни приезда высокопоставленных лиц я была обязана сидеть в своей комнате. Но в тот день торчала в библиотеке, развлекаясь перестановкой книг на разные полки, создавая тем самым работу библиотекаря. Услышав голоса, уселась за парту с первой попавшейся книгой и сделала сосредоточенный вид. В зал вошел мужчина и две наших дамы, зам директора и менеджер по общественным связям. Увидев меня, они на мгновение сбились, но все же прошли по залу вдоль дальнего ряда, а назад пошли уже через мой. Оторвав взгляд от книги, я бросила на них взгляд, и мужчина, шедший с ними, тоже посмотрел на меня. Взгляд его задержался на мгновение, потом он нахмурился и отвел глаза. Я насмешливо пронаблюдала за семенящими дамами, косящимися в мою сторону. Наверное, выйдя из библиотеки, они перевели дух. Однако этим дело не кончилось. Спустя минут двадцать вернулась Галина Викторовна, та, что по связям с общественностью, и строго сказала:

– Алиса, пойдем со мной.

– Что я теперь сделала? – посмотрела я на нее, откладывая книгу. Она на мгновение смешалась.

– Поучаствуешь в общем фото.

– Я?

– Да. Пошли, время не терпит.

– А с чего такая честь?

Галина Викторовна снова замялась.

– Андрей Сергеевич, тот мужчина, которого ты видела, заинтересовался, почему не все присутствующие участвуют в фотографии.

– А вы ему не сказали, что я могу случайно кинуть в него тухлым помидором, чем опорочу честь детского дома?

– Прекрати. Я тебя прошу, води себя прилично. Этот человек жертвует огромные суммы, мы не можем ударить в грязь лицом, показывая такую плохую воспитанницу, как ты. Что о нас будут думать?

Это меня волновало меньше всего, как и ее грозное наставление уже на выходе:

– Устроишь что-нибудь, директор вышвырнет тебя на улицу, не сомневайся.

Я только глаза закатила. Фотограф поставил меня в предпоследний ряд, меценат стоял в последнем в трех шагах от меня. Я все-таки не удержалась и посмотрела на него, наши взгляды встретились, и в этот момент щелкнула фотокамера. Он растерялся, отводя взгляд, фотограф сделал еще несколько снимков. Андрей Сергеевич больше на меня не смотрел.

Спустя три недели мы снова встретились. Я с Киром, моим новым парнем, выбиралась из дальних зарослей сада после уединения, когда увидела Андрея Сергеевича прогуливающимся по дорожке неподалеку. Он нас тоже увидел и на мгновение замер. Я кивнула Киру, он быстро слинял, я же пошла навстречу меценату. Мой растрепанный вид намекал на то, чем мы занимались, и Андрей Сергеевич, слегка покраснев, ляпнул:

– Что вы там делали?

Я усмехнулась.

– А вы как думаете?

Он, было, растерялся еще больше, но взял себя в руки.

– Сколько вам лет?

– Семнадцать.

– Не рановато?

– Нет.

Вздернув брови и качнув головой, он направился в сторону здания, я последовала рядом, приглядываясь к нему. Он был очень симпатичным: лет тридцати пяти, мужественное лицо, красивые серые глаза, правильный нос. Каштановые волосы коротко пострижены, одет с иголочки, но не вычурно: обычные джинсы и легкая рубашка без галстука, роста высокого, и фигура не подкачала. То есть, это я бы сейчас так могла сказать, в семнадцать я просто отметила, что он симпатичный.

– Чем вы планируете заняться после школы? – поинтересовался он, я усмехнулась.

– Сложно сказать. Боюсь, уровень моих знаний не позволит поступить в высшее учебное заведение, так что придется идти какой-нибудь полумойкой.

– С такой внешностью? – усмехнулся он и тут же продолжил. – А кем бы вы хотели стать? Есть у вас мечта?

Хмыкнув, я посмотрела на него пристально, он взгляд отвел и пошел дальше.

– Я бы хотела учиться на истории искусств, – выдала я, Андрей Сергеевич вздернул брови, – а потом открыть собственную галерею.

– Вы любите живопись? – удивился он.

– В это слабо верится?

Мы снова остановились, глядя друг на друга. Усмехнувшись, он опять отвел взгляд и пошел вперед.

– Что же вам мешает попробовать?

– Я же говорила: ученица из меня никудышная, перекатываюсь с двойки на тройку.

– У вас впереди год. Можно наверстать. Пойти на подготовительные курсы, в конце концов.

Тут мы дошли до здания, и нас увидела Галина Викторовна. Как ее приступ не хватил, не знаю, она аж побелела. Выскочила и утащила от меня мецената под его растерянным и моим насмешливым взглядом. Слава богу, мне потом не влетело, видимо, Андрей Сергеевич не стал распространяться на тему моего досуга, а поведал только наш разговор об учебе. И то ли разговор на него повлиял, то ли были еще причины, но вскоре он пожертвовал детскому дому крупную сумму денег на подготовку старшеклассников к поступлению в вуз. Деньги пришлось использовать строго по назначению, что, конечно, несколько огорчило наш руководящий состав. Таким образом я попала в институт на курсы подготовки. В нашем городишке история искусств была одним из самых крутых курсов, и шли туда в основном дочки и сыночки богатеньких, так что я на фоне их выглядела бы белой вороной, если бы не одно но: моя внешность сыграла свою роль. В один из осенних вечеров я выходила из института с кавалером, когда увидела стоящего неподалеку Андрея Сергеевича, опирающегося на машину. Он был увлечен телефоном, а мне стало любопытно, что он здесь делает. Мы направились по дороге в его сторону, он нас заметил, но сделал вид, что не узнал меня, хотя взгляды кидал, пока я прощалась с парнем. Потом я не спеша приблизилась к нему. Заметив это, он убрал телефон и даже улыбнулся, когда я подошла.

– Здравствуйте, – сказала я, он кивнул, приглядываясь ко мне.

– Как поживаете? – задал вопрос.

– Хорошо.

– Ваш кавалер?

– Да.

– Я бы советовал вам сосредоточиться на учебе, – заметил Андрей Сергеевич, я усмехнулась.

– Бойтесь, что ваши денежки пропадут зря?

– Боюсь, вы пропадете зря с таким образом жизни.

Мы встретились взглядами, быстро оглядев меня сверху вниз, он отвернулся.

– Извините, у меня тут встреча.

И направился в сторону кафе.

– А вы знаете, как меня зовут? – поинтересовалась я ему в спину. Остановившись, Андрей Сергеевич посмотрел из-за плеча.

– Знаю.

И скрылся за дверью кафе.

В тот вечер я была собой недовольна, как так, не могу выбить человека из колеи? Спроси, зачем мне это надо, сама бы затруднилась ответить. Наверное, просто привыкла, что на мои выкрутасы есть реакция, а тут нате вам, не человек, кремень.

В следующий раз я увидела его в этом же кафе в декабре. Шла мимо, он сидел напротив женщины лет тридцати с небольшим, стройной брюнетки с миловидными чертами лица. Не знаю, что меня дернуло, но я зашла внутрь и разместилась так, чтобы он мог меня видеть. Андрей Сергеевич заметил не сразу. Я уже успела повздорить с официантом, потому что тот отказался принести вино, и заказала кофе. Официант отошел, и Андрей Сергеевич кинул взгляд вперед. Меня он не ожидал увидеть и очень растерялся. Попытался вести себя, как обычно, но то и дело кидал взгляды и стал напряженным. Разговор быстро закончился, он вышел с дамой из кафе. Я допивала кофе, когда колокольчик на двери звякнул, и Андрей Сергеевич появился в зале. Пройдя, сел за мой столик. Я молча уставилась на него.

– Что вы здесь делаете? – поинтересовался он.

– Кофе пью.

– То есть вы тут случайно оказались?

– Вам в это не верится? – я перегнулась к нему, тут к нам подошел официант.

– Будете что-нибудь заказывать? – обратился к Андрею Сергеевичу, тот не успел ответить, потому что я сказала:

– Бокал красного вина.

Посмотрев на меня, он перевел недовольный взгляд на официанта:

– Принесите.

Тот, кивнув, удалился.

– Не рано вам пить?

– Вы, кажется, считаете, мне все рано? – поинтересовалась я, не сводя с него глаз. Выдержав взгляд в упор в принципе трудно, и Андрей Сергеевич не смог, отвернулся, разглядывая зал. Усмехнувшись, все же вернулся взглядом ко мне.

– Чего вы добиваетесь, Алиса? – задал вопрос, официант поставил на столик бокал вина, я взяла его, сделав глоток, облизнув губы, приоткрыла рот. Андрей Сергеевич, проследив за моими манипуляциями, еще раз усмехнулся. – Вы, кажется, любите провокации?

– Только успешные, – улыбнулась я, продолжая смотреть на него. Он тоже улыбнулся, покачивая головой.

– В таком случае вас ожидает разочарование, – поднявшись, кинул на стол несколько купюр и, сказав, – до свидания, Алиса, – удалился.

Проводив его взглядом, я грустно вздохнула. Что ж, экземпляр попался крепкий. Но мы-то не лыком шиты. Вся эта ситуация казалась интересной игрой, правил которой я пока не знала, действуя наудачу. Было весело и интересно, пожалуй, это единственное, что двигало мной. Искать встреч с Андреем Сергеевичем я не собиралась, но судьба упрямо сводила нас вместе.

На новый год в детском доме закатили подобие званого вечера. Пригласили прессу и меценатов, они друг друга обожают, потому из последних пришло аж четверо: дама и три мужчины, среди которых Андрей Сергеевич. После торжественного выступления всех повели в зал и стали пить чаем. Я оказалась напротив мецената, мужчины лет пятидесяти пяти. Он кидал на меня взгляды, а я старательно ела торт со сливками, периодически облизывая пальцы, отчего в глазах дядечки что-то неуловимо менялось. Наблюдать это было забавно. Хотя я и

была мелкой пигалицей, но уже понимала: гендерный вопрос в мире стоит остро, и все, если не спотыкаются об него, набивая шишки, то равнодушными не остаются. Точно как этот потный смешной дядька.

Ближе к концу вечеринки Андрей Сергеевич поймал меня в коридоре и, схватив за локоть, пихнул в ближайший класс.

– Что вы делаете? – уставилась я на него, он поставил руки на стену с двух сторон от меня и заговорил тихо и быстро:

– Слушай, Алиса, перестань вести себя, как шлюха, иначе ничем другим ты не кончишь.

– Вам какое дело? – значит, тоже обратил внимание на мои выкрутасы.

– Мне никакого. Просто жалко, что пропадешь, а с таким подходом к жизни точно пропадешь.

– Вас это не касается, – я хотела толкнуть его руку, но он пихнул меня обратно к стене, наклоняясь ближе.

– Прояви благоразумие, Алиса, – сказал серьезно, – пока не поздно.

После чего вышел.

– Андрей Сергеевич? – услышала я удивленный голос зам директора, и решение созрело вмиг. Размазав помаду, взъерошив волосы, вылетела из кабинета, на ходу застегивая пуговицу на блузке. Зам уставилась на меня, широко разинув рот. Андрей Сергеевич повернул голову в мою сторону и, лицезрев картину, посмотрел на зама. Та, наконец, нашлась.

– Вы должны немедленно объяснить, что тут происходит, – заметила ледяным тоном, – иначе мне придется обратиться к директору.

Я молчала, глядя в сторону, Андрей Сергеевич сказал:

– Давайте поговорим наедине.

Не знаю, о чем они говорили, но он после разговора уехал, зато мне устроили такую выволочку, что мама не горюй. Наказание было более чем строгим, так что я провела на общественных работах три месяца. Меценат в наших стенах больше не показывался и до конца апреля в моей жизни не фигурировал. Наверное, в тот вечер я палку перегнула, но что поделать, вздорный характер вылез наружу не в самый подходящий момент.

В конце апреля стали говорить о вступительных экзаменах, и, оценив свои шансы, я поняла, что стопроцентно пролечу. Все места были выкуплены заранее, и я могла попасть в институт только чудом. Учитывая мой школьный аттестат, на чудо рассчитывать не приходилось. Но тут судьба преподнесла очередной подарок. Я снова увидела Андрея Сергеевича в кафе с той женщиной. Вспомнив, что в прошлый раз он очень растерялся, увидев меня, и постарался закончить беседу, я подумала: вдруг это неспроста? Изловчившись, сделала несколько фотографий парочки на телефон. На этом не остановилась, вызвала такси, и когда девушка отбыла, велела ехать следом.

– Какого черта? – поинтересовался водитель.

– Вам какая разница? Я заплачу.

Он покачал головой, но, оглядев меня, решил, наверное, что ничего криминального я не предприму. Девушка приехала в гостиницу „Альтаир” в центре города. Прошла внутрь и скрылась на лестнице. Я задумалась. Если она останавливается в гостинице, значит, неместная? Приезжает сюда специально ради встречи с нашим меценатом? И тот явно не горит желанием, чтобы об этом знали, иначе бы так не испугался. Мне стало до жути интересно, что это за женщина и какого черта она сюда таскается, но узнать это представлялось мало возможным. Зато у меня были фотографии, и я решила использовать их. Не выгорит, так не выгорит. Для начала узнала фамилию Андрея Сергеевича и место работы, воспользовавшись данными детства и интернетом. Выяснилось, что он богат, то есть я это знала, но не думала, что настолько. Владелец строительной фирмы, женат около двенадцати лет, детей нет. Один из преуспевающих бизнесменов нашего города. Фамилия у него оказалась очень простая: Николаев.

– Ну что, Андрей Сергеевич, – приговаривала я, подписывая инициалы на запечатанном конверте с фотографиями, – проверим вашу выдержку еще раз.

Ждать пришлось недолго, спустя два дня, выходя из института, я увидела припаркованную около кафе машину и самого владельца возле нее.

– Не меня ждете? – поинтересовалась, подходя. Внимательно посмотрев, он кивнул:

– Садись в машину.

Я села, он занял водительское место, достав из бардачка фотографии, бросил мне на колени.

– Твоих рук дело?

– Мы перешли на ты?

– Не ерничай. Я спрашиваю, твоих рук дело?

– А что вы так разнервничались? В конце концов, вас же не в постели застукали.

Он вздохнул, видимо, призывая себя к терпению, посмотрел на меня спокойно и спросил:

– Чего ты хочешь?

Я сложила руки на груди, глядя на него. Кажется, попала в цель, и распространение данной информации вовсе его не порадует. Знать бы, почему. Взгляда моего он не выдержал, уставился в лобовое стекло.

– Я хочу поступить в институт, – заявила ему, он бросил косой взгляд, – все места уже расписаны, так что мне ничего не светит, а ведь вы успели подарить мне мечту, я поверила, что смогу, – звучало сие одновременно трогательно и издевательски.

Андрей Сергеевич усмехнулся, отворачиваясь к боковому стеклу.

– А что потом? Снять тебе квартиру, устроить на работу? Будешь тянуть из меня бабки, бравируя нелепыми фотографиями?

– Не такие уж они нелепые, раз мы тут разговариваем, – я поймала его злой взгляд, но продолжила, – я не собираюсь использовать эти фотографии повторно. Вы получите их после моего успешного поступления в институт.

– Почему я должен тебе верить?

Я пожала плечами.

– Я говорю правду.

– Ради разнообразия? – усмехнулся он, покосившись на меня.

– Вы поможете?

Андрей Сергеевич немного подумал.

– Хорошо, – ответил в итоге, я еле сдержала улыбку, – ты поступишь в институт, но я должен быть уверен в том, что фотографии уничтожены.

– Поговорим после вступительных экзаменов, – улыбнувшись, я покинула машину и отправилась в сторону остановки.

Глава 2

Я была зачислена на факультет „История искусств” на бесплатное отделение. Так как была детдомовской, мне предоставили общежитие, куда я быстренько переселилась. Стояла середина июля, народу не было, и я жила одна. Не успела разобрать чемоданы, когда раздался стук в дверь, я обнаружила за ней Андрея Сергеевича. Он был одет в легкие брюки и футболку, отчего выглядел как-то моложе. Я встретила его в коротких шортах и майке. Окинув меня взглядом, он зашел, закрыв дверь на щеколду.

– Я свое условие выполнил, – сказал вместо приветствия, – мне нужны фотографии.

Достав телефон, я демонстративно удалила фото.

– Бумажные варианты еще есть?

– Может, и есть, – пожала плечами, глядя на него. Вообще-то, была вторая упаковка, я сразу в двух экземплярах распечатывала, не ради злого умысла, но на всякий случай. Андрея Сергеевича мои слова разозлили. Схватив за локоть, он швырнул меня на кровать, говоря:

– Хватит со мной играть. Давай фотографии.

Бросив на него презрительный взгляд, я порылась в сумке и выудила конверт. Повернувшись, вытащила фотографии и швырнула в разные стороны. Глянцевые карточки ворохом осыпались на пол вокруг моих ног.

– Подавитесь, Андрей Сергеевич, – ответила с улыбкой, он только зубы сжал, наклонившись, стал собирать фотографии. Я возвышалась над ним, не двигаясь, глядя все с тем же презрением. Закончив, мужчина поднялся и сказал:

– Ещё раз сунешься ко мне...

– И что будет? – перебила насмешливо. Не знаю, почему я его не боялась, но отсутствие страха только раззадоривало. Я приблизила к нему лицо, шепча с выражением поддельного ужаса. – Убьете меня?

– Не играй с огнём, – ответил он зло, наклонившись к моему лицу. И вдруг мы оказались слишком близко друг к другу. Смотрели, я, забавляясь, он со злостью, а потом эти чувства стали уходить, оставляя место другим. Я некстати подумала, что у него красивые глаза, ресницы такие длинные, пушистые, но лицо мужественное, притягательное. Андрей Сергеевич опустил взгляд на мои губы, и я сама не поняла, почему, но разомкнула их, выдыхая. А сердце пропустило ход. И в тот же момент голос в голове начал сигнализировать:

„Это не нормально, происходящее не нормально”!

И когда я уже хотела отстраниться, слушая его, Андрей Сергеевич, отбросив фотографии, притянул меня за шею и стал целовать. Это было безумие, но такое сладостное, я подалась ему навстречу, не понимая, что творю, он целовал меня с напором, вторгаясь языком в рот, покусывая губу, и каждая его манипуляция отдавалась импульсом внизу живота, словно он нажимал известные ему одному кнопки, от которых мое тело начинало сходить с ума, переставало слушаться, подчиняясь ему.

Когда все кончилось, я стояла, опираясь на стол, приходя в себя. Слышала, как скрипнули пружины, видимо, мужчина сел на кровать. Обернувшись, увидела: так и есть. Сидит, трёт лицо руками. Выпрямившись, я стянула майку, стала вытирать спину. Меньше всего хотелось двигаться, я бы предпочла лечь в постель и офигевать от происходящего. Андрей Сергеевич, окинув меня взглядом, встал и схватился за вещи. Пока я надевала трусики с шортами и первую попавшуюся под руку футболку, он успел одеться, собрать фотографии и тихо удалиться. Вот теперь я могла лечь, что и сделала. Надо сказать, впечатлений была масса. У меня было два парня, но то ли у них опыта мало, то ли темперамент не тот, но подобного я ещё ни разу не испытывала. Какая-то сумасшедшая лавина впечатлений. Тут я все же вспомнила, что мне

восемнадцать, а ему тридцать пять, и он женат, и решила, что самым разумным поступком будет забыть и о том, что случилось сегодня, и об Андрее Сергеевиче вообще. Фотографий у меня больше нет, я получила то, что хотела, да ещё и бонус в виде крышесносного секса. Тут я хмыкнула и, потянувшись, легла на бок, закрывая глаза. Что ж, Андрей Сергеевич, прощайте, меня ждёт новая интересная жизнь.

Однако Николаев так не считал, потому что спустя три дня, возвращаясь из магазина, я встретила его возле общаги. Он ждал меня, опираясь на капот машины, и был зол. Вот тут я испугалась, решив, что-то случилось, а он меня подозревает. И на всякий случай сразу сказала, остановившись напротив:

– Я ничего не делала, честно. И фотографий у меня больше нет.

Он только хмуро посмотрел и кивнул, сказав:

– Садись в машину.

Гадая, какого черта происходит, я села, мы тронулись с места.

– Куда мы едем? – задала вопрос, но Николаев только снова хмуро посмотрел. Оставалось гадать, что происходит. Через десять минут мы тормознули во дворе жилого дома. Андрей Сергеевич вышел и уверенно направился к подъезду, я семенила следом, решив подождать с вопросами. Может, он хочет что-то обсудить без лишних глаз? Касательно фотографий и той женщины, например. Тогда почему злится?

Поднявшись на третий этаж, мужчина открыл дверь в квартиру. Мы молча прошли на кухню, где он, достав бутылку виски и бокал, налил себе и выпил. Я осмотрелась: типичная однушка, но ремонт неплохой, и мебель современная. Он, что, тут живет? Вряд ли, он же женат, значит, живет с женой. Я усмехнулась абсурдности своих мыслей и спросила, складывая на груди руки и прислоняясь к столу:

– И что мы здесь делаем?

– А ты не догадываешься? – усмехнулся он, отставив бокал и приблизившись. Я посмотрела в недоумении, но поймав его взгляд, все поняла. И чуть не присвистнула. Эко его распирает, раз он меня сюда притащил. А злится, видать, потому что захотелось, и удержаться не смог.

Николаев же, подхватив меня, усадил на стол, а сам встал между ног. Я размышляла, что делать: оттолкнуть или подпустить? А потом он стал меня целовать, и я, вспомнив прошлый раз, махнула рукой, решив: потом разберусь.

Так я стала его любовницей.

Встречались мы раз в неделю, по средам, так было удобно ему, а мне без разницы. Я просто вписала этот день в свою жизнь как его. Мне этих встреч хватало, тем более, что осенью началась учёба, забрав свободное время. Тут я не филонила, понимая, что судьба дала мне шанс, усердно зубрила все предметы, дабы успешно сдать сессию. Денег на взятки не было, да и стипендия не помешала бы, хотя Андрей Сергеевич, трансформировавшись в Андрея и моего любовника, оставлял мне какие-то суммы. Но осознавая, как зыбко мое место в его жизни, я прикладывала максимум усилий, чтобы от него не зависеть. И для этого нужно было хотя бы не вылететь из института. Несмотря на это, общажная жизнь все же захватила меня, появились новые друзья, ухажеры. Некоторые из них были настойчивы, а я размышляла, стоит ли отвечать взаимностью или пока повременить. В конечном итоге стала встречаться с второкурсником, учащимся на нашем факультете. Андрея не бросала, потому что перспектива с парнем была туманна, да и вообще, это было больше ради развлечения.

Была пятница, мы вывалились на улицу гурьбой, смеясь, остановились покурить. Сашка, мой новый парень, притянул к себе за шею и начал нашептывать всякие глупости. Я, смеясь, отталкивала его, он же уткнулся носом мне в шею, обняв. Вот тут я и заметила Андрея, он стоял, прислонившись к капоту и сложив на груди руки. Смотрел хмуро, я бы даже сказала,

зло. Я замерла, глядя на него, не видя, что компания уже двинула вперёд. Сашка, потянув за руку, спросил:

- Ты чего?
- Слушай, я совсем забыла, обещала с подружкой встретиться.
- Ты серьёзно? – протянул он.
- Прости, как обухом по голове, раз, и вспомнила.
- Отменить нельзя?
- Никак.
- Блин... И когда мы увидимся?
- Давай я тебе позвоню.

Он нехотя кивнул, притянув, поцеловал, а я подумала: как это все не вовремя.

Сашка побежал догонять ребят, я, дождавшись, когда они удалятся от института, пошла к Андрею, он сел в машину. Я быстро разместилась рядом, мы тронулись с места.

- Зачем приехал? – спросила мирно, он только хмыкнул.
- Помешал?

Я промолчала, отвернувшись к окну. Кажется, Сашка ему не понравился. Ну и черт с ним. Правда, с кем именно, так и не решила. В квартире залезла в холодильник, достав сыр, стала делать бутерброды, очень хотелось есть. Взгляд Андрея, стоявшего сзади, пытался прожечь во мне дыру. Наконец, он подошёл, отложив нож, развернул лицом к себе и упёрся руками в столешницу с двух сторон от меня. Рассматривал, ожидая, видимо, что я буду смущаться. Не обнаружив подобных чувств, нахмурился. Устав ждать, я спросила:

- Что?
- Ты с ним спишь? – спросил отрывисто.
- С которым? – поинтересовалась я, продолжая его злить. Андрей аж зубами заскрипел.
- А у тебя их много?
- Тебе-то что?

На пять секунд он закрыл глаза, протяжно выдыхая.

- Я задал вопрос. Ты спишь с кем-то кроме меня?
- А ты спишь со своей женой?

Не выдержав, он гроыхнул кулаками по столу.

- Спишь?!
- Да, – крикнула в ответ.
- С этим парнем, что обнимал тебя возле института?
- Тебя это не касается. И вообще, расслабься, ты же с презервативом, так что ничего не подцепишь.

Как он не прибил меня в этот момент, не знаю. Желваки заходили, кулаки сжаты.

- Сколько их было с того момента, как мы вместе?

Я только глаза закатила, он начал меня раздражать.

- Один и был, это все? Или тебе про позы рассказать?

Он снова гроыхнул по столу, отходя. Пригладив волосы, достал виски, налив в бокал, выпил.

- Я не хочу, чтобы ты с кем-то встречалась кроме меня, – заявил, отставляя стакан.
- Интересно, как же ты мне запретишь? – хмыкнула я, а Андрей, быстро подойдя, схватил за шею, нависая сверху:

– Узнаю, что с кем-то спишь, сверну шею обоим. Ты моя, и я не собираюсь тебя делить с прыщавыми однокурсниками. Ни с кем не собираюсь.

Он меня отпустил, а я только головой покачала, страшно не было, Андрей не относился к разряду мужчин: бьют, значит, любят. Агрессия с ним в принципе ассоциировалась мало. Так что его слова всерьёз я не восприняла, но сделала послушный вид. Путь отойдёт, там видно

будет. А какой лучший способ расслабиться? Правильно. Я потянула его за ремень, начала расстёгивать, встретившись с Андреем взглядом. Злитесь, но крепость падет с первым же выстрелом. Через мгновение он уже целовал меня, зарываясь руками в волосы, схватив на руки, потащил в комнату.

Позже я сидела с бокалом вина на кровати, закутавшись в простыню, Андрей только вернулся из ванной. Кажется, секс нас примирил, по крайней мере, расслабил точно. Мужчина стоял напротив, вытирая волосы, а я спросила, потягивая вино:

– А что я буду иметь с этого? – он посмотрел непонимающе. – Ты хочешь, чтобы я была только твоей. То есть я должна отказаться от личной жизни и быть любовницей женатого мужчины. Перспективы так себе, как считаешь?

Он вдруг рассмеялся, бросив полотенце, сел возле меня, пристально разглядывая.

– Как же я все-таки попался на твою удочку? – покачал головой. – Когда ты все это задумала?

– Задумала что? Что ты припрешься в общагу и трахнешь меня, наклонив над столом?

Он, кажется, на мгновение смутился, потом устало вздохнул, потирая лицо. Снова посмотрел на меня. Одним движением стянув простыню, подмял под себя и поцеловал.

– Будь мне верна, Алиса, – сказал тихо, – и ты ни в чем не будешь нуждаться.

И как ни странно, каждый из нас сдержал обещание. Вскоре я переехала из общаги в эту квартиру, дала отпор всем институтским ухажёрам, разрывая отношения без сожалений. Я чувствовала: судьба даёт очередной шанс, нужно действовать безупречно, и тогда не буду нуждаться до конца жизни. Андрей, если и не любит, то зависит от меня, от своих желаний, а я буду его направлять так, чтобы эта зависимость не проходила. И если для этого нужно выкинуть из своей жизни часть людей – я готова.

Отношение ко мне у него изменилось, он стал делать подарки, оставлять больше денег, и даже заезжать два раза в неделю вместо одного. Величайшая милость короля. Я сама не знала толком, как относиться к нему, Андрей красивый, в общем-то добрый, со мной нежный. Что ещё надо? Годы шли, и я привыкла к нему, как люди привыкают к дому, где живут, к кафе, в которое заходят по утрам за кофе. Если он не приезжал по какой-то причине, я даже порой скучала. Незаметно прошло пять лет, я окончила институт и устроилась работать в местную галерею. Вообще-то, так просто туда не попадёшь, но когда есть связи, возможно все. На работу я ездила на новеньком автомобиле, подаренным Андреем на окончание института. Не знаю, шли ли в галерею пересуды обо мне, я старалась просто качественно выполнять свою работу, тем более, что она была интересной. Год я упорно трудилась, шагая по карьерной лестнице вверх, и даже порой подумывала о том, что однажды открою свою галерею. Мысль эта не казалась заоблачной, я была уверена: буду верна Андрею, получу все, что хочу. Тем более, что он увяз во мне за эти годы очень сильно. Было ясно: никуда он от меня не денется. А уж я смогу вести себя, как надо. Так я думала, пока однажды в нашей галерее не появился Гарри Ставровский.

Ему было двадцать семь, среднего роста, кучерявые русые волосы. Вроде бы ничего примечательного, но, только попав в галерею, он стал центром притяжения людей. На него оглядывались с улыбкой, казалось, словно после хмурых дней выглянуло солнце. Он не был красавчиком, грубоватые черты лица, крупный нос, хотя губы пухлые, очерченные, а глаза словно светятся, пронзительные, красивые. Но главное то, как он смотрит, от его взгляда, такого ясного, светлого, невозможно скрыться.

Гарри хотел провести выставку. Художником он бы начинающим, но спонсора уже нашёл, так что проблем с организацией не должно было возникнуть. Но учитывая, с каким видом ко мне забежала начальница в тот день... Даже если бы у Гарри Ставровского не было денег, она бы их нашла сама.

– Чем занимаешься? – поинтересовалась Марина Евгеньевна, заглянув в кабинет.

– Текущие дела, – ответила, не отрываясь от компьютера.

– Тут молодой художник пришёл...

– Хотите, чтобы я ему объяснила, что мы бесплатно не работаем? – я по-прежнему не отвлекалась от компьютера.

– Вообще-то, у меня есть деньги, – услышала мягкий голос. Подняв взгляд, встретила им с парнем, он мне улыбнулся, выглядывая из-за приоткрытой двери. Я улыбнулась в ответ.

– Расскажи молодому человеку о наших условиях, Алиса, – Марина Евгеньевна чуть ли не за ручку усадила парня в кресло, а он смотрел на меня, немного улыбаясь. Смотрел так просто и пристально, что я подумала: ну и чудик.

– Конечно, – улыбнулась в ответ, он просто глаз с меня не сводил. И все то время, что я говорила заученную информацию, смотрел, не отрываясь, улыбаясь уголками губ.

Впервые я почувствовала себя неловко от чужого взгляда. Хотелось постоянно ловить его, словно в этих глазах было что-то притягательное. Одернув себя в который раз, я встала.

– Давайте покажу вам залы.

Мы прошли по галерее. Я рассказывала, а Гарри смотрел неотрывно, так что я уже сама перестала понимать, что говорю и зачем. Наконец, остановившись, сказала:

– Будем рады помочь вам.

Он снова улыбнулся. И вдруг сказал:

– Ты очень красивая.

А я растерялась. Я, черт возьми, растерялась. Хлопала глазами, как полная идиотка.

– У тебя такие глаза, – продолжил Гарри, стоя напротив. На каблуках я была с ним одного роста. – В них тонешь. Такая хрупкая, нежная... Хочу тебя написать.

– Написать? – усмехнулась я, но как-то неуверенно.

– Да. Ты, как ангел.

Плохо же он меня знает. Многие могли бы с данным утверждением поспорить. Некоторые даже посмеяться в лицо.

– Приходи ко мне в мастерскую.

Я уставилась в недоумении, вынырнув из мыслей. Гарри, словно опомнившись, долго искал в карманах визитку. Наконец протянул мне пластиковую карточку.

– Там есть адрес. Приходи после работы.

– Спасибо, конечно, – ответила, взяв визитку, – но вряд ли получится.

– Приходи, – он не слышал меня, – я хочу писать твои глаза, твои губы...

Неожиданно прикоснулся к моим губам пальцами и бесконечно долгое мгновение их не убирал. Наконец, сложив руки ладонями друг к другу, приставил их к своему лицу, не сводя глаз с меня. А я предательски сглотнула, выдохнув.

– Приходи, – снова сказал Гарри и, быстро развернувшись, покинул галерею.

Надо сказать, в себя я пришла не сразу. Вернувшись в кабинет, заварила кофе и думала об этом странном парне. Он такой необычный, интересный, забавный, и очень притягательный. Нахмурившись, поняла, что уже несколько минут мешаю кофе ложкой. Вот это да. Не припомню, чтобы мужчина производил на меня такое сильное впечатление. В мастерскую я, конечно, не пойду. Это слишком. Или нет?.. Он просто хочет меня нарисовать, я просто хочу немного с ним пообщаться. Что в этом такого? Мастерская недалеко, пешком десять минут, на машине вовсе две. Андрей сегодня не придёт, вечер свободный, так что... что? Неужели попрусь к сомнительному парню не пойми куда? Но следовало признать: попрусь. И именно потому, что он такой непонятный и странный.

До конца дня я маялась этим вопросом не хуже Гамлета с его быть или не быть. И даже твёрдо решила не идти, но оказавшись в машине, вырулила на проспект и тронулась в сторону мастерской. Она располагалась на чердаке жилого дома, занимая добротную его часть. Дверь по домофону открыли, не спросив, кто. Но когда я поднималась в последнем пролёте, Гарри стоял с улыбкой, опираясь на стену.

– Я знал, что это ты, – сказал мне, я улыбнулась, качая головой.

– Мастерская на чердаке? – задала вопрос, разуваясь. – Оригинально.

– Это ещё и мое жилище. Квартиры стоят дорого, про студии вообще молчу, а тут я все устроил для себя. Идём, покажу.

Взяв меня за руку, повёл по территории. А я думала, выдернуть руку или нет? И вопреки здравому смыслу не выдергивала.

– Кухня, – показывал тем временем Гарри, – там туалет с ванной, тут спальня.

Мы замерли на пороге. Комната была полупустой. Надувной матрас с подушкой и одеялом, комод и старый письменный стол со стулом.

– Аскетично, – заметила ему. Махнув рукой, Гарри потащил меня в длинный коридор, заканчивающийся дверью.

– Студия, – сказал, распахивая дверь и пропуская вперёд. Просторная светлая комната была завалена кистями, красками, холстами, в углу стоял мольберт с накинутой сверху тряпкой. По мне, так тут царил хаос, но Гарри у нас художник, ему виднее.

– Мило, – сказала, поворачиваясь, и тут же оказалась с ним лицом к лицу. Слишком близко. А он смотрел так жадно, словно пытаюсь запомнить каждую чёрточку моего лица. И этот взгляд действовал похлеще любого афродизиака. Я сглотнула, Гарри перевёл взгляд на мои губы.

– Божественна, – прошептал, притягивая за талию и целуя. Губы у него были нежные, ласкающие, изучающие, и руки сжимали талию с силой, но аккуратно, словно я могу в любой момент разбиться. Это нужно было немедленно остановить, но вместо этого я раскрыла губы навстречу ему, отвечала, чувствуя, как по телу расплзается тягучее желание. Сейчас, сейчас я остановлюсь. А Гарри подхватил меня и понёс в комнату.

Осторожно положил на матрас, не переставая целовать, руки медленно гладили тело, сводя с ума. А потом он расстёгивал мою блузку пуговка за пуговкой, сидя у меня между ног, глядя так, что я кусала губы. Медленно раздел, откидывая одежду, и это было так эротично и возбуждающе, что я еле сдерживалась, чтобы не ускорить события. Желание скрутилось в низу живота тугим узлом.

– Раздень меня, – прошептал, целуя мое ухо, и я дрожащими пальцами ухватила за край футболки. А потом было только наслаждение, медленное, окутывающее, казалось, время остановилось, остались только его ласки, такие спокойные, уверенные, сводящие с ума. И я кричала, царапая его спину, выгибаясь навстречу, наслаждаясь этим странным парнем, который в одну секунду стал частью моей жизни.

Потом я одевалась, а он сидел на матрасе и смотрел на меня.

– Сколько тебе лет? – задал вопрос.

– Боишься, я несовершеннолетняя? – улыбнулась ему, Гарри улыбнулся в ответ.

– Вижу, что совершеннолетняя, но выглядишь совсем девчонкой. Не больше двадцати.

– Мне двадцать четыре.

– Почему ты одна?

Тут я чуть не усмехнулась. Не одна, Гарри, не одна, в этом-то все дело. Поэтому и пытаюсь унести от тебя ноги побыстрее, потому что не хочу признаваться, что мне понравилось. С Андреем все происходило страстно, грубо, и я уже забыла, что бывает по-другому. Все-таки шесть лет это срок.

– Останься на ночь, – не дождавшись ответа, Гарри заговорил о другом, – ты ведь не хочешь уходить.

А я поняла: действительно, не хочу. Дома никого, привычная квартира и вечер в одиночестве за просмотром фильма. А тут Гарри с его студией и... сексом. Нет, я слишком долго шла к тому, что имею, чтобы вот так все спускать.

Гарри же, поднявшись, взял меня за руку и потащил в кухню.

– И что? – задала я вопрос. Он пожал плечами.

– Будем пить чай.

И я осталась на ночь. Мы говорили, пили чай, занимались сексом, утром я уехала на работу. А потом снова осталась у него. И снова, и снова, и снова. И сама не поняла, как стала любовницей, у которой есть свой... любовник.

Две недели пролетели в одно мгновение, а мне казалось, что только вчера Гарри пришёл в галерею поговорить о выставке. Я видела, что увязаю в этих странных отношениях. Не понимала, что нас связывает, но после работы бежала в мастерскую. Мне нравилось быть с ним, но вряд ли это можно назвать любовью. Увлечение, да. На фоне моей размеренной жизни Гарри был феерией красок, которой хотелось касаться постоянно. Но я чётко понимала: феерия когда-нибудь закончится. И тогда мы с Гарри распрощаемся. Главное, чтобы Андрей ничего не узнал. Бросать его я не собиралась, хотя Гарри, показав другую сторону жизни, дал направление моим мыслям в эту сторону. Я допустила, что когда-нибудь могу и уйти от Андрея. Когда-нибудь, но не сейчас.

Однако мои планы были нарушены приходом той самой невыразительной женщины, в которой я сразу узнала жену Андрея.

Глава 3

Вызвав одну из девочек подменить меня, я пригласила Наталью следовать за мной. То есть, имени не называла, потому что вроде бы как не должна его знать. По дороге думала: как же мы с Андреем спалились? Точнее, он, и теперь его женушка, узнав, кто я, пришла выяснять отношения. Убью Андрея вечером, честное слово. Зайдя в кабинет, села за стол, указав женщине на стул напротив. Демонстративно осмотревшись, Наталья поинтересовалась, сложив на груди руки:

– Здесь вы с ним тоже трахались?

Я почувствовала, как к щекам подступает краска, хотя не знаю, чего было больше: стыда или злости? Пусть Андрею высказывает, в конце концов, это он ей изменяет. Откинувшись в кресле, спокойно ответила:

– Во-первых, вы не представились. Во-вторых, не думаю, что данный разговор имеет смысл.

– Меня зовут Наталья Ивановна Николаева, а ты просто малолетняя шлюха, – я открыла рот, чтобы ответить, когда она неожиданно закончила, – вести беседы я с тобой не собираюсь. Говорю один раз по-хорошему: чтобы я больше тебя возле Игоря не видела.

– Игоря? – я захлопала глазами в растерянности.

– Гарри Ставровского. Узнаю, что продолжаешь ноги перед ним раздвигать, вылетишь с работы с белым билетом, поверь, я устрою тебе сладкую жизнь, – последние слова она чуть ли не прошипела, перегибаясь через стол.

Я же растерянно хлопала глазами. Так она тут не из-за Андрея, а из-за Гарри? А с чего вдруг? Тут меня осенило.

– Вы его спонсор? – высказала догадку и тут же добавила, не удержавшись. – И по всей видимости, любовница, раз так переживаете.

– Это тебя не касается.

Значит, так и есть. Ну Гарри, молодец, отличный способ найти спонсора для выставки. Окучил богатую дамочку средних лет и невыразительной наружности и тянет из неё бабки. Интересно, Андрей знает?

– Ну точно, – усмехнулась я, покосившись на кольцо на безымянном пальце, сказала, – нечего мне выговаривать, а то пойду и вашему мужу все расскажу.

Данная мысль женщину повеселила.

– Глупое создание, кому ты угрожаешь? Ты до моего мужа не доберёшься даже. Так что отстань от парня, это я тебе по-доброму говорю.

Развернувшись, Наталья вышла, прикрыв дверь, а я тяжело выдохнула, откидывая голову на спинку стула. Ладно, кажется, пронесло. Ситуация, конечно, почти анекдотическая. Интересно, а Гарри с ней спал после того, как мы закрутили роман? Или она от неудовлетворенности прибежала? Надо его спросить. Пусть разбирается с мадам Николаевой, не мне же этим заниматься. А ещё надо поговорить с Андреем, уж больно интересно стало, что у них за отношения, и знает ли он о любовнике. Вообще-то, тема жены, а также той женщины из кафе, у нас была под негласным запретом. Если сначала мне было интересно, то потом стало все равно. Ну до сегодняшнего дня.

Андрей приехал вечером, сидел за столом, поедая ужин, а я рассматривала его, расположившись напротив.

– Что-то не так? – поинтересовался он. Я пожала плечами, равнодушно сказав:

– Жёнушка твоя сегодня в галерею приходила.

Андрей, подавившись, закашлялся. Я хлопала глазками.

– Зачем? – спросил наконец. Я грустно вздохнула.

– Зачем люди в галереи ходят? На картины посмотреть.

Он облегченно выдохнул.

– Сразу нельзя было сказать? Постой, ты знаешь её в лицо?

– Было интересно посмотреть, с кем ты живёшь.

Андрей покачал головой, я спросила:

– Она знает обо мне?

– К чему эти вопросы?

– К тому, что я весьма напрягалась, увидев её в галерее. Решила, она пришла отношения выяснять.

– За это можешь не переживать.

– Серьёзно? Так она знает обо мне?

Немного поглазев, Андрей все же ответил:

– Скажем так, она знает, что у меня кто-то есть.

– И ей плевать?

– Точно. У нас определённые договоренности. Так что даже узнай она, кто ты, отношения выяснять не придёт.

Я задумчиво кивнула. Иначе говоря, на Андрея и его личную жизнь ей плевать. Как они вообще поженились? На эту тему он распространяться не любил, так что придётся использовать тяжёлую артиллерию, чтобы узнать, но это чуть позже.

– У неё, наверняка, кто-то есть, – заметила Андрею, он нахмурился.

– С чего ты взяла?

– Не знаю. Выглядит она довольной жизнью, я бы сказала, цветёт.

– Это не показатель.

Я пожалала плечами, понимая, что сомнения уже посеяла. Андрей выглядел недовольным. Вот, спрашивается, с чего? Сам ходит налево, а жена должна его у печки ждать? Хотя у него может быть другой интерес. Не дурак, понимает, что любовник сумеет неплохо его женушку потрясти, если учесть, что она не красавица, и характер склочный, вряд ли такое сокровище кому-то приглянулось по большой любви. Уж точно не Гарри, добавила я мысленно. Главное, чтобы Андрею не пришлось в голову копать глубоко.

Чтобы его отвлечь, я улыбнулась, потянула за руку в комнату. Он устроился в кресле, я сверху, обнимая. Дыхание его сразу потяжелело, он прижал меня к себе, наклонившись к уху, я провела по нему языком и шепнула:

– Ты ее любишь?

– Кого?

– Жену.

– Алиса, – Андрей посмотрел на меня, – к чему эти вопросы?

– Любишь? – глядя на него, я стала расстёгивать ремень.

– Нет, – выдохнул Андрей.

– Тогда почему ты с ней?

– Много причин.

Мои пальцы принялись расстёгивать рубашку, я провела руками по его груди, наклонившись, поцеловала в шею, начала спускаться ниже, сползая с кресла. Проведя носом у него между ног, услышала выдох.

– Расскажешь? – спросила, подняв глаза.

– Алиса, – он почти стонал.

– Расскажешь, – кивнула я, стягивая брюки с боксерами, а он схватил меня за волосы, направляя.

Когда Андрей вышел из ванной, я сидела в халатике на кровати, поедая виноград. Он устроился в кресле, и я сразу перебралась к нему на колени.

– Ох ты лиса, – покачал Андрей головой, – добьёшься, чего захочешь.

– Брось, это же не тайна. Расскажи, почему вы вместе?

Немного подумав, он ответил:

– Бизнес. Фирма принадлежит трём людям: мне, ей и ее отцу. У них по тридцать процентов, у меня сорок. Но есть нюанс: при разводе управление долей жены переходит к отцу. Это невыгодно нам обоим.

– Почему?

– Потому что отношения у Натальи с отцом, мягко говоря, так себе. Лишиться источника дохода она не хочет. А я не хочу потерять контроль над фирмой, которая в случае развода по сути перейдёт к ее отцу.

– А что она с отцом не поделила?

Андрей хмыкнул.

– Меня.

– То есть?

– Я не устраивал отца Натальи в качестве мужа. Но она настояла на своём и вышла за меня.

– Почему ты его не устраивал?

– Ну отец Натальи человек весьма обеспеченный, а я был, как говорится, не их круга. Бедный пацан из провинции.

– И что? Вы вместе основали фирму?

– Не совсем. Он меня профинансировал, но на своих условиях, их ты слышала. Так что фирма у меня вроде бы и есть, а вроде бы и нет.

– Мужик боялся, что ты раскрутишься и бросишь дочку? – вопросы лились из меня один за одним. Было интересно узнать что-то о жизни Андрея, то, что всегда оставалось вне разговоров.

– Вроде того. В итоге так и живём. У нас с Натальей по сути договор, мы не лезем в жизни друг друга.

Я кивнула, немного подумав. Интересно получается. Папашу Натальи понять можно, учитывая, что Андрей чувствами не пылает и, возможно, действительно женился ради денег. Об этом я спрашивать благоразумно не стала. Но ведь и жене все равно. Зато со стороны крепкая семья. Интересно, Андрей много ей изменял? В порыве я озвучила этот вопрос вслух, он только головой покачал.

– У нас, что, вечер откровенности?

– Да, – активно закивала я, рассмешив его.

– До тебя у меня не было никого постоянно. Ходил на сторону от случая к случаю... А вот от тебя крышу сорвало.

– Я была уверена, что не нравлюсь тебе, ты был таким отстранённым.

– Алиса, тебе даже восемнадцати не было. Это же сумасшествие. Я только и делал, что гнал мысли о тебе, а сам таскался в детдом, как на работу.

Я закусила губу, Андрей перевёл на неё взгляд.

– Вот ты тогда в кафе губы облизнула, и я успел мысленно тебя отметить прямо на столе.

– А вместо этого сказал, что не ведешься на провокации.

– Я боялся сам себя, Алиса. Своих мыслей и желаний. Да, ты сексуальная, красивая, раскрепощенная, но все же ребёнок. И я очень старался сдерживаться.

Он провёл рукой по моему лицу, глядя с непривычной нежностью, и я даже подумала: как будто любит. Но потом усмехнулась этой мысли. Я его любовница, сексуальная, красивая, раскрепощенная, желанная. Но всего лишь любовница.

Около полуночи я легла в постель, размышляя о сегодняшнем дне. По всему выходит, что Андрей от Натальи никогда не уйдёт, так что наши с ним отношения по сути достигли

крайней точки своего развития. Если ничего экстренного не произойдёт, так будет всегда. И вдруг охватила странная тоска. Вроде надо радоваться, хорошо устроилась в жизни, но мысли о бесконечно одиноких вечерах изо дня в день вдруг упали на меня тяжёлым грузом. А потом я обязательно заведу кошку, когда станет совсем невыносимо одной. Вряд ли Андрею нужны дети, раз до сих пор не удосужился. Я, конечно, тоже о них не думаю, но кто знает, как там сложится в будущем?

А Андрей поди теперь будет выяснять, изменяет ли ему жена. У него по крайней мере есть семья, какая никакая. А у меня даже родителей нет.

В общем, когда раздался звонок мобильного, я пребывала в каком-то депрессивном состоянии. Звонил Гарри, поколебавшись, я сняла трубку.

– Я не могу без тебя, – сразу перешёл он к делу, усмехнувшись, я язвительно заметила:

– А твоя дама не может без тебя.

– Наталья сказала, что ходила к тебе. Слушай, Элис, – так он меня называл, – все непросто.

– Чего уж проще, Гарри, ты её очаровал, и она отвалила денег на выставку.

– Ты ревнуешь?

Я закатила глаза, благо он этого не видел.

– Мне просто не нравится, когда чьи-то женщины приходят выяснять ко мне отношения.

– Прости. Я должен был тебе рассказать... Элис, так просто мне от неё не отделаться, она много в меня вложила. Давай уедем в Питер, к черту всех, и выставку тоже. Там больше возможностей для нас обоих.

– Ты опять? – усмехнулась я. Уже дней пять, как Гарри настойчиво твердит, что мы должны уехать. Сначала я не понимала, с чего, теперь ясно, что с Николаевой наметился разлад, который Гарри не планирует разруливать. По всей видимости, из-за меня. Эти творческие личности слишком эмоциональны. Вот пройдет пара месяцев, локти будет себе кусать. Ага, бросит меня и умчит к своей мадам. А я опять останусь одна. То есть с Андреем.

Но на мгновение мне представился большой шумный город с красивыми улицами, разрезанными каналами рек. Ведь там реально больше возможностей. Гарри талантлив, этого не отнять, у меня есть образование и опыт работы в сфере искусства. А ещё упорство в достижении цели. Первое время будет сложно, нужны деньги. Но мы будем вдвоём, справимся. Конечно, в конце концов разбежимся, но я буду в Питере. Охренеть.

Я так замечталась, что не сразу поняла, что Гарри давно меня зовёт. Вернувшись в реальность, сказала:

– Ладно, твоя взяла.

– Серьёзно? – удивился и обрадовался, судя по голосу.

– Да, так что действуем, пока я не передумала.

– Завтра?

– Нет, это слишком. Нужны деньги, я подумаю, где их взять.

– С этим вопросом я разберусь.

Ага, конечно. Нет, творческие личности и деньги это совершенно несовместимо.

– Ты пока сделай так, чтоб твоя мадам не догадалась ни о чем. Ты хоть знаешь, что она замужем?

– Это неважно.

– Ну конечно, – хмыкнула я.

– Я люблю тебя, Элис.

– Только ей об этом не говори. Все, давай до завтра.

Повесив трубку, поняла, что он сказал. Ничего себе, первое признание в любви в моей жизни, между прочим, а я даже не услышала. Хотя это ещё вопрос, что он там чувствует. Может, он всех своих баб любил, есть же такие люди.

Ага, а я вот не любила никого. Черт, что-то меня тянет не пойми куда последний час. И тут опять осенило: я, что, реально планирую сбежать в Питер? Да, планирую. Охватил странный ажиотаж, хотелось действовать прямо сейчас, но я трезво рассудила, что лучшим решением будет лечь спать. Однако сразу уснуть не вышло, все думала, где взять денег? Ясно, что у Гарри их кот наплакал. Мадам вряд ли ему отваливает на просто так, особенно теперь, узнав о нас. Андрей, конечно, даёт мне деньги, но этого мало. Я понимала одно: если сбегу, шансов вернуться сюда не будет. Николаева жизни не даст, Андрей тоже не простит подобного поступка. Значит, нужно все сделать наверняка, а для этого нужны деньги.

Думала долго, в конечном итоге пришла к решению продать машину. Это неплохая стартовая сумма, чтобы устроиться, а дальше, конечно, придётся крутиться, но это не впервой, прорвёмся. Главное, чтобы Гарри делом занимался, а не висел у меня на шее мертвым грузом, иначе наши пути разойдутся очень быстро.

Взвешивая все за и против, я начала склоняться к мысли, что погорячилась с подобным решением. Какой смысл бросаться в омут с головой, когда у меня и так все хорошо? Ещё недавно я строила планы о собственной галерее, а теперь собираюсь уехать в чужой город с нищим художником. Стоит ли оно того?

Ответа не приходило, перевешивал то один вариант, то второй, и наконец я уснула, придя к странному решению: если продам машину в ближайшие пару дней, значит, судьба, уеду.

На работе я первым делом залезла в интернет. Оказалось, продать машину очень просто: распечатываешь любой договор, заполняешь с покупателем от руки, и все. Я разместила фото автомобиля на нескольких сайтах, вылезших первыми и стала ждать реакции. Цену поставила ниже, чем у остальных на такую же машину, но все же, на мой взгляд, нормальную. Этих денег должно хватить на первое время в Питере.

Разделавшись с этим вопросом, принялась за работу, несколько часов усердно трудилась, пока в кабинет не ввалился Гарри.

– Ты с ума сошёл? – вскочила я, он запер дверь на замок.

– Я скучаю без тебя.

– Мы должны быть вдвойне осторожны, а ты пришёл сюда.

Я вышла из-за стола и оказалась в его объятиях. Увлечён он мог, целовал страстно, я не заметила, как оказалась на столе, а он у меня между ног, пальцы его уже расстегивали блузку, когда раздался звонок рабочего телефона, приведший меня в чувство.

Оттолкнув Гарри и погрозив кулаком, я ответила. Звонил клиент. Переговорив с ним и приведя за это время себя в порядок, повернулась к парню, сидящему на диване.

– Ты не передумала? – первым спросил он.

– Нет, но если мы будем так себя вести, ничего не выйдет.

– Поехали сегодня.

– А деньги?

– Я разберусь.

– Нет уж. Я продаю машину, уже разместила объявление. Надеюсь, за пару дней купят. Цену поставила хорошую.

Гарри немного подумал.

– Хорошо. Два дня, а потом в любом случае едем. Деньги я добуду.

– Куда ты так спешишь?

– Боюсь, ты передумал, – рассмеялся он, разводя руками. Доля истины в его словах была.

– Ладно, тебе надо идти, – открыв дверь, я выглянула наружу. Пусто. – И больше никаких опрометчивых поступков, договорились?

Он замер напротив, разглядывая мое лицо.

– Скажи, что любишь меня.

Я снова чуть глаза не закатила. Как барышня девятнадцатого века, честное слово.

– Я от тебя без ума, – ответила, подталкивая к выходу, он только усмехнулся, качая головой, но ушёл, больше ничего не сказав.

Усевшись в кресло, я устала в стену. Гарри, кажется, пребывает в стадии высоких чувств, вместо того, чтобы думать прагматически, предаётся эмоциональным порывам. Да уж, чувствую, будет трудно. Может, ну его к черту, в самом деле? И в этот момент зазвонил мобильный, неожиданно разорвав тишину кабинета. Я испуганно вздрогнула, сердце предательски быстро застучало.

– Твою ж мать, – пробормотала, взяв телефон. Номер был неизвестен.

– Вы Алиса? – спросил мужской голос на том конце.

– Да, – почему-то я нахмурилась. Голос был незнаком, но появилось неприятное ощущение.

– Хочу машину посмотреть.

Я так обрадовалась, что даже вскочила со стула.

– Давайте. Я могу вечером.

– Отлично, где встретимся?

– Часов в восемь на площади у парка удобно будет?

– Договорились.

– Тогда до встречи.

– До встречи, – мужчина повесил трубку, а я задумчиво села, постукивая телефоном по губам. Что ж, пока все идёт к тому, что судьба благоволит моему побегу. Тогда почему вдруг возникло такое странное чувство внутри? Это из-за мужчины. Не знаю, почему, но он не шёл из головы, я то и дело хмурилась, прикручивая в голове разговор. Ничего особенного. Кажется, я начинаю загоняться. Вместо того, чтобы радоваться возможному покупателю, придумываю всякую ерунду.

Без десяти восемь я припарковался на стоянке у парка и стала ждать, прислонившись к дверце. Минут через пять неподалёку остановился темно-синий „БМВ”, и из него вылез молодой мужчина около тридцати. Он сразу направился ко мне, я выпрямилась, разглядывая его и понимая: он мне не нравится.

То есть внешне он был красавчик: высокий, широкоплечий, не качок, но фигура спортивная, тёмные волосы небрежно взъерошены, правильные черты лица, красивые глаза. Девки от таких млеют. И от взгляда, наглого и самоуверенного, особенно. Мне же как раз этот взгляд не понравился. Такой он был, словно сам черт мужчине не брат. Вроде насмешливо смотрит, а кажется, вдалеке спряталась сила, но сила жестокая. Такие типы идут по жизни легко и берут все, что хотят. Правда, часто потом выбрасывают в сторону, потому я от них держусь подальше. Хотя я в принципе с мужчинами почти не контактировала, помня о том, что должна хранить верность. От греха их подальше. Ох, Гарри, откуда ж ты свалился на мою голову, что у меня вся жизнь кувирком?

Вопрос был риторический, а мужчина, меж тем, приблизился. Я улыбнулась, хотя это было трудно: слишком бесцеремонно он меня разглядывал. Так и хотелось спросить: я, что, лошадь выставочная?

– Алиса? – задал он вопрос, встав напротив.

– Точно, – кивнула я, не удержавшись, добавила, – а машина, кстати, сзади меня, и разглядывать надо её.

Он хмыкнул, но комментировать не стал. Осмотрел машину, залез под капот, что-то там посмотрел. Я топталась в сторонке, ожидая вердикта. Захлопнув крышку, спросил:

– Прокатиться можно?

Я кинула ему ключи, он поймал, снова усмехнувшись. Кажется, его мое поведение не задевало, а вот он меня раздражал, сама не знаю, почему, и скрывать это удавалось плохо.

Мы прокатились по центру: он за рулём, я рядом.

– Почему продаёшь? – поинтересовался у меня. Интересно, когда мы перешли на ты? Я даже имени его не знаю.

– Деньги нужны, – ответила лаконично и опять не удержалась, – а вы зачем покупаете? Ваша-то машина получше будет.

– Подарок подружке, – хмыкнул он, – тачка мне нравится, так что можем оформить сделку.

– Отлично, – я обрадовалась, – я тут распечатала договор, – залезла в сумку, вытаскивая печатные листы, вдруг сообразив, что паспорт остался дома, чертыхнулась.

– Что-то не так?

– Паспорт дома, давайте тогда завтра?

– Давай докину до дома, и там оформим сделку. Деньги у меня с собой.

Я нахмурилась. Вот вроде бы все нормально, а как-то странно. Ну парень явно обеспеченный, машина крутая, шмотки дорогие, да видно по поведению, что при деньгах, вряд ли он преследует иные цели, чем покупка. Не изнасилует же он меня, в конце концов? Желание получить деньги прямо сейчас перевесило, как я их назвала, нерациональные страхи. Я озвучила адрес, и через пятнадцать минут мы въехали во двор.

В квартире мужчина заглянул в комнату, потом прошёл на кухню и замер у кухонного гарнитура, пока я за столом заполняла бумаги.

– Твоя или снимаешь? – спросил меня.

– Снимаю.

– Не замужем, живёшь одна, но слишком хороша, чтобы быть одинокой. Любовник содержит?

Я даже рот открыла от такой наглости. Нет, он, конечно, угадал, но какое имеет право вообще лезть в мою жизнь и бесцеремонно задавать вопросы? Я призвала себя к терпению, но все же сказала:

– Деньги покажите.

Он, усмехнувшись, полез в карман. Вытащив из кошелька десять купюр по пятьсот евро, кинул их на стол. Я сгребла деньги и ушла в комнату. На свет посмотрела, конечно, а толку, если не знаю, что там надо увидеть. Слабо верится, что он хочет меня облапошить, так что рискну. Убрав деньги в шкаф, вернулась в кухню и застала мужчину с договором в руках.

– Так вот из каких деревень приезжают такие красавицы, – хмыкнул, увидев меня.

После детдома нас поставили на спецпрограмму по распределению жилья, я получила комнату в маленьком областном посёлке, туда я даже не ездила, Андрей просто забрал мой паспорт и все оформил, включая регистрацию.

Парню, конечно, об этом знать не надо. Интересно, он уже успел из мужчины для меня трансформироваться в парня, видимо, потому, что мне сложно представить взрослого человека, который будет вести себя, как придурок.

Выдернув у него из рук лист, я улыбнулась совершенно неправдоподобно и тут же себя укорила за это. Все-таки мы сделку оформляем. Ну бесит меня человек, можно и потерпеть десять минут, потом он исчезнет из моей жизни, и все. Что, я мало идиотов на работе перевидала?

Тут он достал сигарету и сунул в рот, и уровень моего терпения стремительно упал.

– У меня не курят, – сказала ему спокойно.

– Да ладно тебе, – он достал зажигалку, а я, в два шага оказавшись рядом, не выдержав, вытащила сигарету из его рта и бросила в мойку. Он вздёрнул в удивлении бровь, смотрел с насмешливым интересом, словно я мышь лабораторная, которой разрешили до поры, до времени делать все, что заблагорассудится. Да почему мне вообще такие мысли в голову приходят? Нахмурившись, глядя на него, я повторила чуть ли не по слогам:

– У меня. Не. Курят.

И тут же отойдя, села за стол, бросив:

– Паспорт свой дайте.

Он, не сводя с меня взгляда, достал паспорт и бросил на стол. И смотрел все время, что я заполняла данные. Звали его Рогожин Илья Дмитриевич, двадцати девяти лет, прописан в центре. Ну да, все богатеи живут или в центре, или за городом. Закончив заполнять бумаги, вернула паспорт, мы расписались в договорах, после чего я передала ему ключи и ПТС. Вместо того, чтобы их взять, Рогожин притянул меня за запястье. Я дёрнула рукой, но совершенно безрезультатно.

– Отпустите, – сказала спокойно, он продолжал рассматривать меня.

– Я тебе не нравлюсь, – заметил в итоге.

– Главное, чтобы подруге нравились.

Он меня отпустил, забрав ключи и документы, удалился, не прощаясь. Я тут же пошла следом, закрыла дверь на замок. Пройдя к окну, наблюдала, как Рогожин идёт к машине. Словно почувствовав мой взгляд, он поднял голову, скрыться я не успела, только досадливо поморщилась, он этого не увидел, само собой. Отсалютовал мне, после чего отбыл.

– Ну вот и все, – проговорила я вслух. С его уходом стало возможно думать о делах, присутствие парня в моей квартире ощутимо давило на плечи.

Глава 4

Итак, что мы имеем. Деньги есть, машины нет, второе Андрей заметит сразу, потому бежать нужно быстрее, иначе вопросов не оберёшься. Гарри так и хотел, почему не сделать это завтра в ночь? Доедем на автобусе до Москвы, а оттуда в Питер. Я набрала номер Гарри, чтобы его осчастливить, но трубку он не снял. Как обычно, когда надо, не отвечает. Через полчаса был тот же результат. До половины одиннадцатого я названивала, не получая ответа, а потом решила доехать. Он, скорее всего, в мастерской, а телефон вообще не пойми где. Нужно время, чтобы собраться, пусть этим занимается. Через двадцать минут я вылезала из такси возле его дома. Окна на чердаке были тёмными, из окна мастерской лил тусклый свет настольной лампы. Точно, творит. Что он там видит вообще при таком свете?

Дверь в подъезд я открыла с помощью кода, который мне сказал Гарри. Быстро поднявшись на чердачный этаж, толкнула входную дверь. Открыто. Беспечность Гарри иногда просто раздражала. Сколько раз говорила ему закрываться, но у него ветер в голове свищет.

В прихожей было темно. Нашупав выключатель, я зажгла свет. Тишина.

– Гарри, – позвала парня, но ответа не получила. Темнота, льющаяся из комнат, пугала. Я двинула к коридору, попутно включая везде свет. Наконец, оказалась у двери мастерской. Толкнула дверь, заглядывая внутрь. Гарри сидел в углу на полу, свесив голову.

– Ты, что, набрался? – спросила сердито, подходя к нему. Ну точно, вырубился, а я тут ему названиваю.

– Гарри, – толкнула его, он стал заваливаться, я процепила, хватая его, – ну и пьяница...

Хотя не припомню, чтобы он при мне пил, но все когда-нибудь бывает в первый раз. Я вернула его на место, хлопнула по щеке и нахмурилась. Она была холодной. Очень холодной. И сам парень был чуть ли не белого цвета.

– Гарри, – позвала я, отказываясь верить в происходящее. Он молчал. Сглотнув, я проверила его пульс и не нашла. Рука была холодная и безжизненная. Найдя в себе силы, открыла ему один глаз, а потом, резко откинув Гарри, бросилась в сторону. Сомнений не оставалось: он мертв.

Минут пять я стояла, тупо прижав ладонь ко рту и глядя на тело. Хотя мне показалось, что прошла вечность, не меньше. В голове миллион мыслей, скачущих хаотично, и не хватает сил уцепиться ни за одну, не то, что за какую-то правильную. Что же делать? Сбежать, сделать вид, что не была здесь? Ничего не выйдет. Мои отпечатки везде. Даже если я изловчусь и оботру все стены, что маловероятно, я трогала Гарри. А уж к нему точно больше не прикоснусь, ни за какие деньги. Господи, как же не вовремя! А могло быть вовремя? О чем я вообще думаю?! Заставив себя глубоко выдохнуть, я постаралась собраться. Итак, Гарри мертв, это факт ясный. Крови нет, может, у него сердце отказало? Он, конечно, парень молодой, но ведь и такое случается... Может, скорую вызвать? И что я им скажу? Что у меня мертвый человек в квартире? Нет, если звонить, то сразу ментам. Господи, Андрей точно узнает, и мне не жить. Как я буду оправдываться? А если это Андрей? Узнал, что Гарри любовник Натальи или, что ещё хуже, мой, и по-тихому его порешил? Господи, какой бред в голову лезет... Да Гарри стоило только пальцем погрозить, он бы от Николаевой бежал так, что пятки сверкали. Тем более, супруги в жизнь друг друга не лезут.

Закрыв лицо руками, я тихонько попричитала, а потом поняла: надо звонить ментам, выбора нет. Кругом отпечатки, таксист меня опознает, да и вообще, кто-то мог видеть, как я сюда заходила. Черт, черт, черт! Что за жизнь такая?! На хрена ж я ним связалась? Да еще в Питер собралась ехать, дура! Теперь остается надеяться на то, что как-то выкручусь, Андрей не узнает о моем романе на стороне, и жизнь пойдет, как раньше, сыто и спокойно. Чтобы я еще хоть раз пошла налево? Никогда. Жизнь мне доходчиво объяснила, чем это чревато.

Выдохнув еще раз, я решила разбираться с проблемами по мере их поступления и, достав телефон, набрала 112, так как понятия не имела, по какому номеру нужно звонить в таких случаях.

Меня долго кидали с одного человека на другого, пока наконец я не попала в нужный отдел. К новости о теле отнеслись с прохладцей, но машину прислать обещали. Приехала та, кстати, быстро, но мне каждая минута была за год, мастерскую я покинула, мерила шагами спальню, попутно думая, что говорить? Ни в коем случае не признаваться, что мы были любовниками, иначе Андрей узнает. Да, хорошо общались, можно сказать, даже приятельствовались, раз уж я приперлась к нему на ночь глядя. Буду давить на то, что нужно было срочно что-то обсудить по выставке, а он не отвечал. Но все-таки интересно, что с ним случилось?

– Передоз, – сказал толстый сонный дядька, осмотрев тело Гарри, – как пить дать.

Шприц с остатками какого-то наркотика нашёлся в мастерской, закатился под лист бумаги. А я все не могла поверить.

Часы показывали три часа ночи. Следственный народ подтягивался нехотя, и только к этому времени меня отпустили. Усталый следователь, очень похожий на героя сериала про ментов, коротко расспросил о случившемся. Когда вылезла версия передоза, он словно повеселел, причину я поняла позднее, услышав разговор двух мужчин из бригады о том, что очередной глухарь откладывается. А я не могла поверить. Вот так просто? Гарри перебрал с наркотой? Как я могла не замечать, что он под кайфом? Или рядом со мной он не употреблял? Эти вопросы задал и следователь Шавров, но мне оставалось только развести руками. Тем не менее, я выдохнула. Гарри не рассчитал дозу и умер. Расследование отменяется, а значит, у меня все шансы замять историю, чтобы Андрей не узнал. Сейчас это волновало меня больше всего. Гарри, конечно, было жаль, но ведь он сам виноват, на хрена вообще принимать всякую дрянь?

Дома я оказалась часа в четыре, утром надо было опять в отделение, но это уже не пугало. Выкрутимся. Только коснувшись головой подушки, уснула.

Будильник, кажется, хотел расколоть мою голову на две части. Подумав, я позвонила на работу и сказалась больной. Все равно ехать к следователю, а так ещё посплю.

В отделение входила в половину двенадцатого, меня проводили к Шаврову, он, кажется, ещё не ложился. Пил кофе, задумчиво пялясь в стену.

– Кем вы ему приходились? – начал с простого. Вчера тоже спрашивал, но или забыл, или видел толк начать с начала.

– Я организатор его выставки.

– Вы дружили?

– Да, мы быстро нашли общий язык, я частенько заезжала в мастерскую попить чаю. Часто мы там обсуждали детали выставки.

– И вчера?

– Нет, вчера я весь вечер пыталась его вызвонить, но безуспешно, нужно было обсудить распределение картин по залам, сегодня был мастер, собирающий выставочные конструкции, я хотела уже дать ему что-то в работу, – блеф чистой воды. Мастер, действительно, приезжал, но по другому вопросу, однако за правду мои слова сойти могут. – В итоге решила скататься, зная, что Гарри... Игорь, – поправилась я, – что он поздно ложится спать.

– А в квартиру как попали?

– Код домофона знала, а дверь была открыта.

– И вас это не смутило?

– Она у него постоянно нараспашку.

– Ясно. Как я понял, о том, что он наркотики принимал, вы не знали?

– Нет, – покачала я головой, – при мне он никогда... и вообще выглядел адекватным, я даже не думала, что он такое способен.

Допрос вышел коротким, но легким день быть не обещал. Только я вышла из отделения, как позвонили с работы, срочно надо мчаться туда, аврал. Я не стала спрашивать, по какому поводу, и так понятно.

Алла, только увидев меня в дверях, схватила за руку, уставившись своими глазищами, прошептала:

– Это правда?

– Что именно?

– Ты видела, как убили художника?

Я вздохнула. Вот так сплетни и разлетаются.

– Во-первых, его никто не убивал, – обойдя девушку, я двинула в сторону кабинета, она смешно семенила следом на высоких каблуках. Я-то в джинсах и кофте, даже непривычно в таком виде являться на работу. Ладно, простят. – Во-вторых, ничего я не видела.

– А как же... В интернете пишут...

– Что я видела, как его убили?

– Нет... Что сотрудница галереи обнаружила тело.

– Так с чего ты взяла, что это я, – спросила ее, тормозя у двери в кабинет.

– Ты же выставкой занимаешься.

– Ничего я не видела, – отрезала сердито, заходя в кабинет и тут же натываясь взглядом на Николаеву.

– Ой, прости, забыла сказать, – тоненько проблеяла Алла.

Конечно, забыла, с твоими-то мозгами, девочка ты моя красивая, добрая, но совершенно бестолковая. Говорить этого вслух я, конечно, не стала, тем более что Алла ретировалась, а я так думала, скорее, от злости. К разговору с Натальей была совершенно не готова. Войдя, закрыла дверь и посмотрела на женщину. Выглядела она не очень: бледная, опухшая, с красными глазами, видно, что много плакала. А я ведь ни слезинки не проронила, кстати. Может, ещё не осознала? Осознаешь тут, носясь, как оголтелая.

Наталья тоже меня рассматривала это время, я села за стол, говоря:

– Слушаю вас.

Женщина покачала головой.

– Ну и дрянь, – высказалась все же, – бессердечная дрянь.

Ну отлично, Гарри умер, а мне ещё с этой дамой неизвестно сколько разбираться.

– Вы закончили? – поинтересовалась спокойно.

– Какой же он был глупый... Променять меня на обычную шлюху... – и тут же жалобно добавила. – Как он умер? Ты же была там?

– Передозировка наркотиков, – ответила сухо, складывая руки на столе в замок.

– Не может быть, – прошептала Наталья, – бедный мой мальчик...

Тут она расплакалась, чего я уж совсем не ожидала. Налив воды, поставила стакан на стол перед ней. Наталья выпила, держа его дрожащими руками. Я ретировалась на своё место, словно это могло меня как-то защитить.

– Зачем ты ездила к нему? – спросила женщина, успокоившись.

Он уже умер, а она все вынюхивает, какая теперь разница? Но так как я жива, придётся врать. Слишком много вру последние дни, как бы это не обернулось против меня.

– Гарри заявился вчера днём в галерею. Я его выставила, весь вечер звонила, чтобы расставить точки над и, но он не отвечал. И я решила к нему съездить. Как видите, к вашим словам отнеслась серьёзно.

– Теперь это не имеет значения. В любом случае, ты виновата в его смерти.

– Это каким образом? – не удержалась я от язвительного тона.

– Игорь не наркоман, никогда им не был. У него старший брат погиб от героина, когда Игорю было двенадцать. И до твоего появления он точно ничего не принимал.

Я нахмурилась. Очень уж мне течение ее мыслей не понравилось. Такое логичное и совершенно для меня неблагоприятное. С другой стороны, чего мне бояться? Даже если следователь решит, что я его подсадила, какая разница? Гарри же умер от передоза. И притянуть меня к этому делу никак не получится, потому что я и наркотики несовместимы. Уж что, что, а гробить себя никогда не собиралась, особенно насмотревшись на некоторых ребят в детском доме. Только я успокоилась, как Наталья, резко поднявшись, заявила:

– Я этого так не оставляю, учти, ты ответишь по полной. И для начала можешь готовиться с вещичками на выход, считай, здесь ты больше не работаешь.

Я даже ответить ничего не успела, она ушла, хлопнув дверью.

Вот же черт! Какая-то невообразимая хрень. Ладно, женщина успокоится и поймёт, что я ни при чем. Но сами её слова... Если Гарри действительно не был наркоманом, как он оказался с дозой в крови? Решил попробовать и не рассчитал? Бред какой, с чего бы вдруг? С Натальей, как ни странно, я была согласна: Гарри не такой, и это сразу видно. Но факт на лицо. И если взять за аксиому, что Гарри не наркоман, то остаётся два варианта: или это странный способ покончить с собой, или... его убили.

Я откинула голову на спинку кресла, выдыхая. Оба варианта невозможны. У Гарри совершенно не было причин уходить из жизни, наоборот, он как раз планировал начинать новую. А убивать его просто не за что, это же самый безобидный парень на свете.

Тут зазвонил мобильный, и я устало вздохнула. Андрей.

– Какого черта происходит? – рявкнул он в трубку.

– Я дико занята.

– Ты действительно нашла труп какого-то художника?

– Мое имя, что, по первому каналу называли?

– Нет, но услышав новости, я позвонил знакомому, он раздобыл данные. Почему ты не позвонила мне? И какого черта делала у него ночью?

– Это было вечером, мне нужно было уточнить кое-что по выставке для мастера, а художник не брал трубку.

– И ты поехала к нему? Откуда у тебя адрес?

– Такое ощущение, что я на допросе, – вспылила в ответ, – адрес его мастерской был на визитке. Он упоминал, что живет там же. Вот я и поехала. Все?

Андрей немного помолчал.

– Извини. Все это просто свалилось, как снег на голову, я растерялся... Мне это не нравится.

– Можно подумать, я тут от восторга прыгаю.

– Вечером я приеду, – добавил Андрей, вешая трубку.

Отлично, просто зашибись. Они решили меня в один день добить, что ли?

Но вскоре стало не до этого, потому что реально начался аврал. Марина Евгеньевна велела выгрызть выставку любыми способами, чуя, какой теперь будет интерес, и мне пришлось попотеть. Хорошо, что директор сама договорилась с Николаевой, а на мои плечи легли другие вопросы. Я обсуждала с нашим юристом все тонкости проведения выставки, составляла нужные документы, искала его родных, чтобы договориться о получении согласия. Когда услышала слабый женский голос в трубке, позвонив его матери, почувствовала, как сердце сжалось. Выходит, наркотики забрали у неё второго ребёнка. Бедная женщина... Но работа есть работа, и я говорила, объясняла, что к чему. А потом женщина спросила, не я ли нашла тело, и, струсив, я ответила, что нет, несколько часов после чувствуя себя из-за этого дерьмово.

Ещё нужно было договориться со следственным отделом, чтобы получить доступ к мастерской и изъять картины. В общем, дел было много, и из галереи я буквально выползала.

Выйдя у дома из такси, увидела машину Андрея и мысленно вздохнула. Сейчас начнётся. Как в воду глядела. Только переступила порог, как он, выскочив в прихожую, спросил:

– Почему ты на такси? Где машина?

Я спокойно ответила:

– Бросила возле галереи. Из-за случившегося выпила немного вина.

Мне кажется, или я уже вру больше, чем правду говорю?

Устало пройдя в комнату, стала раздеваться, Андрей наблюдал за мной, устроившись в кресле. Когда я облачилась в домашние брюки и футболку, сказал:

– Расскажи мне о художнике.

Вздыхнув, я выдала ему ту же историю, что и следователю. Ну за исключением того, что мы с Гарри подружились. Неплохо общались, да.

– Почему ты о нем не рассказывала?

– Можно подумать, о других клиентах я много говорила? Это всего лишь работа, – покосившись на него, добавила, – организатором выставки была твоя жена.

– Черт, – ругнулся Андрей.

– Ты хоть немного бы ее жизнью интересовался, а то всякое вон бывает.

– Наталья рассказывает то, что считает нужным, как и я ей. Остальное уже вмешательство в частную жизнь. К тому же, кто мог знать, что все так обернется? – помедлив, он спросил. – Как думаешь, этот художник и есть её любовник?

Вот нашёл кому задавать вопросы. Может, вспылить ради разнообразия? Но сил на это не было.

– Возможно, – ответила, падая на кровать, – ты своего знакомого не спрашивал, что следователь думает?

– Насколько я понял, там все ясно: передозировка наркотиками.

Я поморщилась. Ясно, да не ясно. Если Николаева не начнёт твердить на каждом углу свои мысли на этот счёт, дело быстро закроют. Вот бы этому поспособствовать, знать бы ещё, как.

Пока я размышляла, Андрей переместился ко мне, притягивая. Меньше всего хотелось заниматься сексом, но пришлось через себя переступить, чтобы усыпить бдительность Андрея. Но стараться себя так и не заставила, впервые поймав на мысли, что секс с ним мне если не надоел, то начал напоминать работу. Все чётко, понятно, по расписанию. Вот и сейчас: поцелуи, спустился губами к груди, попутно стягивая одежду, потом развернул, ставя на четвереньки. Сейчас я этому даже была рада, нет нужды смотреть в глаза и делать блаженный вид. Постановывала, хотя не особенно возбудилась и мыслями была далеко. А когда все закончилось, и Андрей ушёл в ванную, я почувствовала странное омерзение к себе. Все произошедшее показалось отвратительным.

– Так, – протянула тихо, – завязывай с этим, Алиса. Добром такие мысли не кончатся.

Точно. У меня есть Андрей, спокойная сытая жизнь и хорошие перспективы. Закончим на этом.

Следующий день начался отлично, придав настроения и надежд на будущее. Родные Гарри подписали нужные бумаги, курьер вернулся с ними в обед, а Шавров дал согласие встретиться в четыре у мастерской, чтобы отобрать картины по утверждённому списку.

Сняв листок, опечатавший дверь, Шавров открыл её, и мы прошли внутрь. Квартира выглядела удивительно безжизненной, словно вместе с Гарри она в один день обветшала, стала неуютной, холодной. Мы прошли в мастерскую, и я замерла с открытым ртом: она была пуста. Ни одной картины, только на полу несколько чистых холстов, а на стене... я закрыла глаза, выдыхая, благо, Шавров этого не видел. На стене висел мой портрет. Я была изображена по пояс абсолютно обнаженной, распущенные волосы частично прикрывали грудь. То, что это рисунок Гарри, сомнений не вызывало. И когда успел только? Лучше бы думала, что теперь делать, тем более Шавров протянул:

– Очень интересно. Что скажете, Алиса Александровна?

– Ничего, – процедила я. Мужчина, окинув меня взглядом, вернулся к портрету.

– С чего бы ему рисовать вас в таком виде?

– Откуда я знаю? Он художник, придумал себе что-то и нарисовал. Я ему никогда не позировала.

Первые слова правды, блин, а толку от неё?

– Я так понимаю, кто-то унёс все картины, а эту оставил специально для нас? – заметил он, достав перчатки, надел и стал аккуратно снимать портрет. Кто-то... Я, кажется, даже догадываюсь, кто именно. Мстительная стерва, решила меня подставить. – Не знаете, кто? – Шавров, свернув мой портрет в трубочку, смотрел с интересом.

– Понятия не имею.

– Ясно, – он вроде бы согласился, но я видела: не поверил. – Что ж, раз дел для вас нет, предлагаю покинуть квартиру.

Распрощавшись с Шавровым у подъезда, я, наплевав на работу, отправилась в сторону центра. Настроение было ни к черту, но сдаваться я не собиралась. Все это устроила Николаева, я уверена, у неё, наверняка, есть ключи от мастерской, с ней говорили, женщина знала, что я туда поеду отбирать картины. И подсустилась, очернив меня в глазах следователя.

Достав телефон, я позвонила Алле на ресепшн и попросила скинуть адрес Николаевой. Она расстаралась, через десять минут прошло смс. Я к этому моменту уже приблизилась к центру на своих двоих. Дом Николаевых разместился на небольшой тихой улочке, где в своё время элитное жильё под шумок вытеснило детский сад, библиотеку и муниципалитет. А ещё говорят, деньги могут не все. Несколько трехэтажных домов с уютными дворами теперь радовали глаз прохожих.

Калитка была открыта, пройдя к дому, я набрала номер квартиры на домофоне. В меня словно бес вселился в тот момент, но я решила добыть картины, во что бы то ни стало.

– Слушаю, – ответила Наталья.

– Это Алиса Воронцова, из галереи. Надо поговорить.

– О чем, интересно?

– Например, о том, что вы украли из мастерской Гарри все картины для выставки.

– А ты докажи, – хмыкнула она.

– Откройте дверь.

– И не подумаю.

Щелчок, и женщина отключилась, а я бессильно пнула дверь ногой.

– Так она вряд ли откроется, – раздался сзади насмешливый голос. Обернувшись, я увидела Рогожина, того парня, которому продала машину. Он-то тут что забыл? В голове всплыл его адрес, и я чуть не чертыхнулась, он же здесь живет! А если его подружка прикатит на моей машине? Андрея удар хватит. Да что ж мне так не везёт? Ладно, это потом, сейчас надо пользоваться возможностью.

– Ты тут живёшь? – ткнула пальцем в дверь, он кивнул, рассматривая насмешливо. – Проведи меня.

Немного подумав, Рогожин ответил:

– Хорошо, пошли, – достав ключ, открыл дверь, мы зашли, и он, положив руку мне на плечи, пошёл к лифтам мимо охраны.

– Руки убери, – прошипела я.

– Да успокойся ты, это чтобы охранник на тебя внимания не обратил. На моих девушек он не смотрит.

Я терпеливо прошла до лифтов, а там сразу вынырнула из-под руки.

– Что особенного в твоих девушках, – задала вопрос, пока он жал кнопку.

– Ничего. Просто их очень много.

Открылись створки, мы зашли в лифт. На хрена он вообще нужен в трёхэтажном доме? Рогожин все время движения меня рассматривал, я пялилась в зеркало, делая вид, что этого не замечаю.

– Что ты не поделила с моими соседями?

– Это по работе.

– Ага, – согласился, но тоже не поверил. Да и плевать. Ещё перед ним не хватало оправдываться.

Оказалось, Николаевы с Рогожиным живут на одном этаже. Подождав, пока парень скроется в квартире, я нажала звонок. А он вроде не так плох, как показался поначалу. Может, потому что не вёл себя, как придурок? Ну или почти не вёл. Я услышала за дверью шаги, следом тишина. Была уверена: женщина смотрит в глазок и думает, открыть или нет. Дверь все-таки распахнулась. На пороге стояла Наталья в спортивном костюме.

– Что надо? – спросила, складывая на груди руки.

– А то вы не знаете?

– Ты даже из смерти Игоря ищешь только выгоду. Оставь его уже в покое.

– Ваше стремление подложить мне свинью объяснимо. Но вы же понимаете, что менты вас найдут, замучаетесь с ними объясняться. И вообще, вы по сути украли картины.

– И что Игорь в тебе нашёл? – покачала она головой.

– Молодость, красоту и ещё много чего. А вы для него были только мешком денег, с которым периодически приходилось ложиться в постель.

– Ах ты дрянь! – Наталья бросилась на меня, нервишки у неё ни к черту, однако. Не знаю, на что дамочка рассчитывала, я выросла в детском доме и постоять за себя умела. Скрутив её, затащила в квартиру и захлопнула дверь, не кстати подумав: вдруг Андрей дома? К счастью, она была одна. Интересно, Рогожин наблюдал за нами? Посмеялся от души, наверное.

– Пусти, – Наталья пыталась вырваться, но я довела её до гостиной и усадила на диван, только тогда убрав руки. Женщина принялась тереть запястья, а я с любопытством осмотрелась. Квартира, конечно, шикарная. Андрей мог бы и что получше мне снять, денег у него, видимо, куры не клюют.

Ладно, об этом потом.

– Где картины? – спросила Наталью.

– Ты их не получишь.

Вздыхнув, я присела на стул.

– Слушайте, Наталья, мы взрослые люди. У вас договор с галереей, так что выставка все равно состоится.

– Обойдусь без твоих комментариев. Проваливай, иначе охрану вызову.

Я видела, она не шутит, потому удалилась, поражаясь абсурдности происходящего. Кажется, у всех разом крыша поехала.

Возвращаться в галерею не имело смысла, я отзвонилась Марине Евгеньевне и сообщила, что картины у Николаевой, но с ней нужно беседовать на высшем уровне, меня она не слушает. Та сказала, что позвонит даме, и я поехала домой. В дороге объявился Андрей, сообщил, что не придёт, и я обрадовалась, требовалось хоть какое-то время побыть одной и все обдумать. Да просто выдохнуть спокойно, тем более что завтра суббота.

Однако выдохнуть мне не дали. В десять утра я проснулась от настойчивого звонка в дверь. Открыла, даже не спросив, кто, толком не соображая, что происходит. За дверью стоял Андрей.

– Ты чего так рано? – я потёрла глаза, он, разувшись, прошёл в комнату и сел в кресло. Только тут я заметила, как он бледен и сосредоточен. Губы сжаты. Господи, что ещё случилось? Я присела на край кровати, сердце предательски быстро забилося. Посверлив меня взглядом,

Андрей вытащил из внутреннего кармана пиджака фотографию и бросил на журнальный столик. На ней был запечатлён вчерашний портрет из мастерской. Я устало выдохнула.

– Где ты его взял?

– Знакомый сообщает информацию об этом деле.

– А он не сообщил, что я сказала следователю? Я никогда не позировала Ставровскому, это плод его воображения.

Кивнув, Андрей снова полез в карман, на этот раз достав плотный конверт, открыл его, вытащил фотографии и бросил на столик.

– Это тоже плод воображения? – задал вопрос, а я закрыла глаза. На фотографиях я занималась с Гарри сексом.

В голове ни одной мысли. Открыв глаза, спросила тихо:

– Откуда?

– Какой-то добрый человек оставил на лобовом стекле под дворниками.

Я потёрла виски. Час от часу не легче. Кто же это? Николаева не в курсе о нашем с Андреем романе, выходит, есть кто-то ещё, кто следит за мной? Или за Андреем? А сейчас решил включиться в игру? В какую, спрашивается? С каждым днём я понимаю все меньше и меньше.

Андрея, кажется, эти вопросы не интересовали. Когда я на него взглянула, наткнулась на тяжёлый взгляд в упор.

– Что скажешь? – спросил он. Бросив взгляд на фотографии, я поморщилась.

– А что тут скажешь? – выдала устало. За последние дни столько всего произошло, что на эмоции уже сил не остаётся. Зато у Андрея их было через край. Вскочив с кресла, он рывком поднял меня за плечи и прорычал:

– Так ты мне с ним изменяла?

Хотелось спросить, а что, не видно по фотографиям? Но я только коротко ответила:

– Да.

Толкнув меня на кровать, Андрей пнул столик, фотографии разлетелись в разные стороны. Я смотрела на них и думала, как все в мире циклично, шесть с лишним лет назад было с точностью до наоборот, у меня козыри, ему приходится сдаваться. Я снова села, Андрей зло спросил:

– Ты знала, что он любовник моей жены?

– Нет. Но когда узнала, решила бросить.

Он так на меня смотрел, что даже страшно стало на мгновение. Не потому, что боялась удара, а потому что взгляд у него был какой-то больной.

Наконец, он рухнул в кресло, словно в момент обессилев.

– Зачем? – спросил спокойно.

– Что зачем?

– Зачем ты с ним связалась?

Дура потому что. Конченная идиотка, которую потянуло на приключения.

– Не знаю, – пожала плечами, – он был таким странным, необычным.

– Вот оно что, – протянул Андрей язвительно, – а я, значит, обычный? Обычный идиот, с которым можно лечь в постель за деньги.

– Андрей, не начинай, – выдохнула я.

– Что не начинай? – он выругался, при мне такое произошло впервые, я удивлённо на него уставилась. – Ты все это затеяла, ты на меня смотрела, предлагала себя, фотографии эти чертовы подсунула. Ты мне всю жизнь вывернула. А теперь не начинай? Сколько ты с ним трахалась?

– Две недели.

– И сколько таких художников было за эти годы?

Тут я вспыхнула. Но в принципе логично, единожды соврав, кто тебе поверит? Теперь он, конечно, думает, что я меняла любовников направо и налево все шесть лет.

– Он единственный, – ответила, чувствуя, как последние силы покидают тело и мозг.

– И неповторимый. А ещё любовник моей жены.

– Я же не знала, – даже поморщилась от оправдания. Звучит так себе.

– Ненавижу! – выплюнул он, а я разозлилась.

– Ненавидишь, а все равно не уйдёшь.

Вскочив, Андрей снова схватил меня за плечи.

– Я бы его сам убил, если бы он не сдох.

– Можешь выдохнуть, он умер.

Снова толкнув меня, Андрей вышел в кухню. Я слышала, как он гремит бокалами, видимо, наливал виски.

Через минуту вернувшись в комнату, уставился тяжёлым взглядом. Я безучастно сидела на кровати.

– Ты хоть понимаешь, что я люблю тебя? – выдал вдруг, а я чуть не рассмеялась.

– Любил бы, ушёл ко мне от жены.

– А ты бы встретила меня с распростертыми объятиями? Если бы у меня не было денег?

А на меня такая тоска навалилась, и я брякнула, не думая:

– Катись ты к черту вместе со своими деньгами.

Такого он точно не ожидал, даже растерялся. Посмотрел неуверенно, словно думал, я заберу свои слова обратно. А я молчала. Тут Андрей окаменел, развернувшись, молча покинул квартиру. Хлопнула дверь, ещё минут десять я сидела, глядя в пустоту, а потом до меня дошло.

– Что ж я наделала, – простонала, хватаясь за телефон. Он же меня простил, даже если не простил, то готов был сделать это. В любви признался, а я, дура такая, выгнала его.

– Пожалуйста, Андрей, возьми трубку, – говорила, слушая гудки. Ответа не было. Я набрала второй раз, сбросил. На третий механический голос сказал, что абонент недоступен. Я рухнула на кровать, коря себя на чем свет стоит. Столько сил было потрачено на то, чтобы Андрей не узнал, а когда надо было реально что-то предпринять, я сваяла дурака. Устала, видите ли. Теперь наотдыхаюсь. До понедельника теперь его не выпепить, если только у дома караулить, но там сумасшедшая жёнушка, как бы все не стало хуже. Значит, в понедельник буду караулить у работы, если он так и не снимет трубку.

А что сейчас делать? Вместо того, чтобы два дня отдохнуть, я теперь буду изводиться. Забравшись в постель, уставилась в потолок. Мыслей ноль, какое-то тупое безразличие. Да, отдых мне не повредит, эти дни вытрясли меня подчистую. Значит, надо попытаться уснуть. В успех я не особенно верила, но, покрутившись полчаса, все же провалилась в сон.

День прошёл примерно в таком режиме. Я пила чай, сидела в интернете, звонила Андрею, дремала. Время как будто застыло в моей квартире в тот момент, когда Андрей хлопнул дверью. Один бесконечный день, я не могла дождаться, когда он кончится.

Глава 5

В воскресенье хоронили Гарри. Я решила сходить. Может, наши с ним отношения и были мимолетными, но все же мы были вместе вплоть до самой его смерти. Людей собралось немало, большинство молодые. Ведь у Гарри были друзья, почему же я не видела ни одного? Потому что нам было ни до кого, мы наслаждались друг другом.

Мать я узнала сразу, Гарри был очень похож на неё. Худая невысокая женщина с выбивавшимися из-под платка кудрями. Она стояла, покачиваясь, под локоть её держала девушка лет двадцати, тоже на неё похожая. Видимо, дочь. Это хорошо, поможет пережить потерю ребёнка. Наталья тоже присутствовала, на глазах чёрный очки, губы плотно сжаты. Ещё несколько взрослых держались вместе, молодёжь толпилась, кто как. Я не стала приближаться, стояла в стороне, наблюдая. Гарри казался сейчас таким юным, совсем мальчишкой, и от этого было ещё больнее. В голове не укладывалось, что вот это он, тот самый парень, который кружил меня при встрече, поил чаем и любил ночи напролёт.

Когда стали опускать гроб, я, не выдержав, ушла. Села на скамейке вдоль главной дороги, пытаюсь прийти в себя. В моей жизни никогда не было дорогих мне людей. И хоть я не любила Гарри, его смерть затронула какие-то струны в душе.

Вскоре похоронная процессия потянулась к выходу. В основном, шли молча, глядя перед собой. Вдруг один парень, посмотрев на меня, остановился. Я сразу напрягалась, а он направился к скамейке.

– Это же с вами Игорь встречался, – сказал, то ли утверждая, то ли спрашивая. Я постаралась улыбнуться.

– Он рассказывал обо мне?

– Рассказывал... Все уши прожужжал. Я никогда его таким не видел.

– Каким?

– Влюблённым, – тут парень вздохнул, – я не видел вас на похоронах.

– Стояла в стороне, очень тяжело.

– Понимаю. На поминки поедете?

Я чуть не спросила, а Николаева будет там? Конечно, поди и с поминками подсуежилась. Я покачала головой.

– А мы могли бы увидеться как-нибудь? – спросила его. – Я хочу поговорить о Гарри.

Он неуверенно пожал плечами, но номер продиктовал.

– Я Иван. А вы Алиса, верно? – задал вопрос, когда я записала номер.

– Верно, – улыбнулась ему, – бегите, а то автобус ждёт.

Кивнув, он попрощался и пошёл к выходу, я смотрела ему вслед. Да уж, всякого я ожидала, но такого... Значит, Гарри делился о наших отношениях с друзьями. И если этот Иван меня узнал, значит, видел фото. Или портрет? Тут у меня даже румянец выступил. Не стал бы Гарри показывать его всем подряд. Может, он мое фото в соцсети показал, это куда больше похоже на правду.

Но дело не в этом. О нашем романе знают. И если следователю придёт в голову с кем-то побеседовать, правда выплывет очень быстро, вызвав логичные вопросы: почему я молчала? Чтобы следователь не успел придумать что-то совсем неправдоподобное, нужно поделиться с ним правдой. И поговорить с другом Гарри не помешает, дабы понимать, какое вот же бытует обо мне мнение и что наболтал Гарри. Пожалуй, в понедельник этим и займусь. Отпрошусь на первую половину дня, подкараулю Андрея, потом съезжу в отделение. Кстати, об Андрее. Я в который раз набрала номер, абонент по-прежнему был недоступен. Упёртый мужчина. Впрочем, ему нужно время, чтобы отойти.

Кто же все-таки заснял нас с Гарри? Ведь нужно было установить камеру, то есть прийти в мастерскую, когда там никого нет. И потом унести её. А если она все ещё там? Если человек после этой серии фото опять её установил? И менты не заметили? Маловероятно. Хотя не особенно они искали, тем более решив, что это самоубийство. А камера должна быть хорошо спрятана. И что? Я даже в мастерскую зайти не могу, так что все эти мысли яйца выеденного не стоят.

Понедельник начался со звонка Марины Евгеньевны. Часы показывали восемь утра, и, снимая трубку, ничего хорошего я не ожидала услышать. Марина Евгеньевна растерянно заявила, что некоторое время мне не стоит появляться на работе.

- какое некоторое? – не удержалась я.
- Пока не могу сказать. Я с тобой свяжусь, Алиса, считай, что у тебя отпуск.
- Бессрочный? – хмыкнула я.
- Мне жаль, что так вышло.

И она повесила трубку. Отлично, мадам Николаева работает, не покладая рук. Обещала выгнать с работы, и вот пожалуйста. Зря я, конечно, к ней тогда поперлась. Тоже нервы зашалили, только не учла, что у дамы связи и злопамятность.

Так, денёк зашибись начинается. Работы нет, Андрей не отвечает, ещё что-нибудь прилетит или можно начинать наслаждаться?

Прилетело. В десять, когда я уже стояла в дверях, чтобы отправиться к Андрею на работу, меня застал звонок Шаврова. Он просил подъехать в отделение, как появится возможность. И я отправилась к нему, решив, что это сейчас важнее. Надо же понять, что ещё подкинула судьба.

Шавров выглядел свежо и был бодр, кажется, у него выходные прошли хорошо. Указав на стул, спросил:

– Кофе хотите?

– Нет, спасибо, – я улыбнулась, он, усевшись с кружкой горячего напитка напротив меня, сказал:

– Имел честь сегодня беседовать с Натальей Ивановной Николаевой, знакома она вам?

Понятно. Даже неинтересно, что будет дальше.

– Знакома.

– Она утверждает, что вас с погибшим Игорем Крестовым связывали отнюдь не дружественные отношения.

– Ей откуда знать? – сложила я на груди руки.

– А связывали?

Я вздохнула. Вроде сама же решила идти сдаваться, так нет, и тут опередили.

– Связывали.

– Интересно. А почему же вы не сказали об этом, а соврали, будто просто дружили?

Я снова вздохнула.

– Понимаете, Александр Витальевич, я не хотела, чтобы о моих с Гарри отношениях узнал один человек.

Шавров вопросительно вздёрнул бровь.

– А именно?

– Скажем так, у меня есть мужчина помимо Гарри.

Следовательно, откинувшись на стуле, скрестил руки, рассматривая меня с интересом.

– И рвать с этим мужчиной отношения вы не планировали? – задал вопрос.

– Нет. Я не собиралась долго встречаться с Гарри.

Шавров немного помолчал. Взяв кружку, отпил кофе, и потом высказался, качая головой:

– Да, если честно, не ожидал, Алиса Александровна. А сейчас ваш мужчина в курсе?

– А что?

– Хотелось бы с ним побеседовать.

– Зачем? – нахмурилась я. – Дело же ясное, Гарри перебрал с наркотой, причём тут мой мужчина?

– И все-таки, – он смотрел, ожидая ответа.

Если он узнает, кто мой любовник, станет ещё хуже. Андрея притянут к этому делу, Наталья возненавидит меня окончательно, к тому же после ссоры ещё неизвестно, захочет ли вообще Андрей общаться со следователем и что ему наговорит. Надо все хорошенько обдумать.

– Нет, он не в курсе. Могу я для начала сама с ним поговорить? – спросила Шаврова. Тот кивнул, написав на листке номер телефона, протянул мне.

– Пусть ваш мужчина свяжется со мной в ближайшие пару дней. Или мне придётся найти его и самому с ним связаться.

– Я вас поняла, – ответила хмуро, убирая листок. Иными словами, они встретятся, чего бы это ни стоило. – Я могу идти?

– Ещё пара вопросов. Вы ведь воспитывались с Кириллом Воронцовым в одном детском доме?

– А это тут причём?

– Алиса Александровна, вы можете просто отвечать на вопросы, а не юлить?

– Хорошо, – поджала я губы, – да, мы из одного детдома.

– какие у вас были отношения?

– Мы встречались.

– Даже так. Вы любвеобильная особа, – я не стала это комментировать. – И что? Как сложились ваши отношения после выхода из детского дома?

– Никак. Мы перестали встречаться ещё в его стенах. Потом я поступила в институт и больше о Кирилле не слышала.

– И вам неинтересно было, где он, чем занимается?

– Он, что, тоже умер? – брякнула я.

– Живой, – хмыкнул Шавров, – ладно, Алиса Александровна, идите. Я жду звонка вашего возлюбленного.

Ждите-ждите. Я сама была бы не прочь с ним поговорить. Только вот он трубку не берет. Андрей снова не ответил, и я задумчиво побрела по дороге. Шавров сумел удивить, и вовсе не связанными с Гарри вещами. Точнее, людьми. Какого черта его заинтересовал Кирилл? А вдруг они с Гарри все-таки знакомы? И следователю показалось странным, что... Вот именно, что тут странного?

К черту Кирилла, надо думать, что делать. Андрей на связь не выходит, даже если я его подкараулю, боюсь, он вряд ли захочет помочь. С него станется от обиды сказать, что он меня вообще не знает. Но больше меня пугала Николаева. Гарри за глаза, а тут ещё муж. Она меня в землю зароет.

И тогда я решилась. Будем пытаться удачу, вариантов немного, точнее, вовсе нет, кроме одного. Жутко сомнительного, но все же возможного.

На маршрутке я доехала до центра и вскоре ждала ответа, слушая гудки домофона. Их было слишком много, чтобы вселить надежду, и когда я уже решила уходить, сонный мужской голос ответил:

– Да.

– Привет, это Алиса, – проговорила быстро, – я тебе машину продала.

Пауза. Щелчок. Дверь открылась. Ура. Оказавшись внутри, я шмыгнула мимо охранника на лестницу и быстро поднялась. Рогожин стоял в дверях в одних трусах, хмурый, заспанный, с растрёпанными волосами. И все равно был хорош собой.

– Я не помешала? – спросила, остановившись напротив.

– Я спал, заходи, – развернувшись, Рогожин протопал внутрь, я зашла следом. Разувшись, проследовала в гостиную-столовую, просторную, светлую. Кухня отделена барной стойкой. Все современное, стильное и смотрится просто супер. Уверена, квартира вся конфетка. Пока я осматривалась, Илья прошлепал к холодильнику и, достав пакет с соком, сделал несколько глотков. Невольно я перевела взгляд на его тело, не удержавшись, скользнула по широким плечам, спине, и ниже. Надо сказать, задница у него зачетная.

Отставив пакет с соком на барную стойку, Рогожин спросил:

– Так чего ты хотела?

– Может, оденешься? – не удержалась я.

Усмехнувшись, Илья удалился из гостиной, через минуту вернулся. Нацепил только брюки, и то, болтались они так низко, что была видна полоска трусов.

– Так сойдёт или фрак надеть? – спросил насмешливо, пройдя к столу, взял с него пачку сигарет. Я встала с другой стороны, ожидая, пока он закурит, но все же фыркнула на его слова:

– Сойдёт.

– Тогда говори, зачем пришла.

– У меня к тебе предложение. Сможешь сыграть моего парня? Я заплачу.

Он присвистнул.

– А поподробней?

– Дело в том, что я встречалась с одним парнем, художником, он погиб на днях...

– Видел в интернете, фамилия у парня какая-то необычная.

– Точно. Ну вот, следовательно я поначалу не рассказала о наших отношениях. Потому что боялась, что узнает один человек.

– Другой любовник? – спросил Рогожин весело. Ну да, со стороны, может, и смешно звучит, только мне почему-то совсем не до смеха.

– Да. Следователь хочет теперь его видеть, а я никак не могу это устроить.

– Потому что он женат, и будет скандал? – проявил Илья смекалку.

– Вроде того.

Затушив окурок, Рогожин покачал головой.

– Да, всякое мне предлагали, но чтоб такое... То есть ты хочешь, чтобы я вместо твоего любовника съездил в отделение и поговорил со следком?

– Да. Я расскажу более подробно, что к чему.

– А мне с этого какая польза?

– Я же сказала, что заплачу.

Он вздёрнул бровь.

– Сколько?

– Сто тысяч.

Рогожин снова присвистнул. Подойдя ко мне, остановился рядом, присев на стол.

– Это те деньги, что я тебе за машину дал? – поинтересовался, разглядывая меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.